

Жан-Батист-Бартелеми

ЛЕССЕПС

ЛЕССЕПСОВО

ПУТЕШЕСТВИЕ

ПО

КАМЧАТКѢ

И

ПО ЮЖНОЙ СТОРОНѢ СИБИРИ.

Перевод с английского издания:

J. Johnson, St. Paul's Church-Yard, Лондон, 1790 года

Жан-Батист-Бартелеми Лессепс

**Лессепсово путешествие
по Камчатке и южной
стороне Сибири**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Лессепс Ж.

Лессепсово путешествие по Камчатке и южной стороне Сибири / Ж. Лессепс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

1787 год. Уже два года продолжается французская экспедиция капитана Лаперуза в Тихом океане, пришло время сообщить о её промежуточных результатах на родину. При посещении кораблями порта Петропавловска на Камчатке такой случай, наконец, предоставился. Без труда определилась и кандидатура на роль гонца - офицер экспедиции Бартолеми де Лессепс прекрасно говорил по-русски, был молод и энергичен. Оставалось всего ничего - пересечь только одну страну, а там и Европа! Страна была, правда, Россией... так что только до Иркутска пришлось добираться два года - со всевозможными трудностями, лишениями и опасностями. Об этом путешествии и повествует эта книга... А самому Лаперузу так и не суждено было вновь увидеть Францию - в 1788 экспедиции погибла, и Лессепс остался единственным, кто вернулся на родину...

© Лессепс Ж., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава I	7
Глава II	11
Глава III	21
Глава IV	39
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Предисловие

Эта книга – всего лишь дневник моих путешествий. Я не стремился предвосхитить суждение моего читателя и не претендовал на его снисходительность, уверяя его, что вовсе не собирался писать никакой книги. И надеюсь, что мой рассказ не будет менее интересным, когда станет известно, что единственным побуждением к его написанию была необходимость заполнить свободное время, и что моё тщеславие не простиралось дальше того, чтобы правдиво описать моим друзьям трудности, с которыми мне пришлось столкнуться, и рассказать о наблюдениях, которые я сделал на своем пути. Нетрудно будет заметить, что я писал урывками, часто небрежно, а иногда тщательно – как позволяли обстоятельства, или в зависимости от того, насколько сильные впечатления производило на меня то, что в тот момент меня окружало.

Сознавая свою неопытность, я считал своим долгом не упускать ни малейшей возможности удовлетворить своё любопытство, как будто предвидел, что меня призовут к ответу за потраченное время и знания, которые я имел возможность приобрести. Боюсь только, что скрупулёзная точность, в рамки которой я себя заключил, не придала моему повествованию большого изящества и разнообразия.

События, относящиеся лично ко мне, настолько связаны с предметом моих заметок, что я не заботился о том, чтобы скрывать это. Поэтому меня вполне можно упрекнуть в том, что я слишком много говорил о себе, но это – надо признать – главный грех всех путешественников в моём возрасте.

Кроме того, я готов обвинить себя в частых повторениях, которых избежало бы более опытное перо. В некоторых вопросах, особенно в отношении путешествий, едва ли можно избежать однообразия стиля. Чтобы нарисовать одни и те же предметы, нам приходится использовать одни и те же цвета; следовательно, похожие выражения периодически повторяются.

Задержка с публикацией этого дневника требует некоторого объяснения. Несомненно, я мог бы выпустить его в свет раньше, и это был мой долг, но чувство признательности не позволяло мне делать этого до возвращения графа де Лаперуза. «Что значит моё путешествие? – спрашивал я себя. – Для публики это всего лишь довесок к важной экспедиции этого джентльмена, а для меня же это почётное свидетельство его доверия». Эти соображения побуждали меня в первую очередь предоставить отчёт моему капитану. В этом был также и мой собственный интерес. Как бы я был счастлив, если бы, разрешив опубликовать мои приключения в качестве дополнения к его путешествиям, он соизволил сделать меня своим соратником! Признаюсь, этот апофеоз моего честолюбия был единственной причиной моего промедления.

Увы, после года нетерпеливого ожидания оказалось, что желаемое всё ещё далеко! С момента моего приезда не прошло и дня, чтобы я не вспоминал об «Астролябии» и «Буссоли». Как часто, пересекая в воображении моря, которые им предстояло проплыть, я пытался проследить их продвижение от порта до порта, вычислить их задержки и измерить все перемены их курса!

Когда в момент прощания на Камчатке офицеры наших судов скорбно обнимали меня, как безнадежно потерянного, кто мог сказать, что я вернусь на родину, а многие из них никогда больше не увидят её, и что я сам пролью слезы над их судьбой!

В сущности, я едва успел обнять мою семью и поздравить себя с успехом моей миссии, как донесение о наших несчастьях на Островах Мореплавателей¹ наполнило моё сердце скорбью и печалью. Виконта де Лангля, этого храброго моряка и верного товарища, друга нашего командира, человека, которого я любил и уважал, как своего отца, больше нет! Моё перо отка-

¹ Прежнее название островов Самоа. – прим. перев.

зывается описать его трагическую кончину, но моё чувство благодарности говорит мне, что воспоминание о его добродетелях будет вечно жить в моем сердце.

Читатель, кто бы ты ни был, прости это невольное излияние моего горя. Если бы ты знал того, кого оплакиваю я, ты бы смешал свои слезы с моими и, как и я, молил бы небо, чтобы ради нашего утешения и во славу Франции командир экспедиции и те из наших храбрых Аргонавтов, которых она сохранила, могли скорее вернуться домой. Ах! Если бы, пока я пишу, попутный ветер наполнил их паруса и направил к нашим берегам! – Да будет услышана эта молитва моего сердца! Пусть день, в который эти строки будут напечатаны, будет днём их возвращения!

Глава I

Я получаю депеши и схожу на берег – Отправление фрегатов – Невозможность добраться до Охотска до открытия санного пути – Описание Петропавловской гавани – Природа – Климат – Реки Авачинской бухты.

Когда мне исполнилось двадцать пять лет, я вступил в самый памятный период моей жизни. Сколь бы долгой и счастливой ни будет ещё моя карьера, я сомневаюсь, что мне суждено когда-нибудь побывать в столь же славной экспедиции, как та, в которой в настоящее время участвуют два французских фрегата: «Буссоль» и «Астролябия». Первым командует граф де Лаперуз, начальник экспедиции, а вторым – виконт де Лангль².

Это кругосветное путешествие вызывало живейший интерес, все с нетерпением и любопытством ждали известий от этих прославленных мореплавателей из стран и морей, куда послала их Франция и вся Европа.

Для меня было лестно получить от графа де Лаперуза привилегию сопровождать его более двух лет, и ещё более я был обязан ему за честь доставить его донесения во Францию по суше! Чем больше я размышляю об этом ещё одном свидетельстве его доверия, тем больше чувствую, чего требует такое поручение и насколько я не был к нему пригоден; я могу только приписать его предпочтение необходимости выбора для этого путешествия человека, который жил в России и мог говорить на её языке.

6 сентября 1787 года королевские фрегаты вошли в порт Петропавловская гавань³ в Авачинской бухте на южной оконечности полуострова Камчатка. 29-го числа мне было приказано сойти с борта «Астролябии», и в тот же день граф де Лаперуз сообщил мне свой приказ и вручил донесения, которые мне предстояло доставить во Францию. Его забота обо мне не ограничилась обеспечить меня самыми необходимым для безопасности и удобства моего путешествия; он дал мне также заботливые отеческие советы, которые никогда не изгладятся из моего сердца. Виконт де Лэнгль был так же добр и присоединился к нему, оказав мне ряд полезных услуг.

Позвольте мне здесь воздать должное верному спутнику опасностей и славы графу Лаперузу за то, что он всегда был мне советником, другом и отцом.

Вечером я простился с моим командиром и его достойным коллегой. Судите сами, как я страдал, когда провожал их к ожидавшим их шлюпкам! Я не мог ни говорить, ни расстаться с ними; они по очереди обнимали меня, а мои слезы выдавали моё душевное состояние. Моя скорбь о том, что я оставляю их, не поддаётся описанию. Офицеры, находившиеся на берегу, тоже попрощались со мной: они были взволнованы, молились о моей безопасности, всячески утешали меня и старались помочь, как только могли. Из их объятий я был передан в руки полковника Козлова-Угренина⁴, коменданта Охотска, которому граф де Лаперуз рекомендовал меня скорее как своего сына, чем как офицера, которому поручены его депеши.

С этого момента я был всецело обязан этому русскому коменданту. Тогда я ещё не знал всех достоинств его характера, непрестанно склонного к добрым поступкам, которыми я с тех

² Если бы моё перо было достойно того, о чём оно повествует, какие замечательные вещи я мог бы рассказать об этих знаменитых людях, созданных для того, чтобы совершать самые великие дела с величайшим искусством! Но их подвиги и общественное уважение давно поставили их выше всех моих похвал.

³ В 1849 году город стал называться *Петропавловский порт* и только в 1924 году – собственно *Петропавловском-Камчатским* – прим. перев.

⁴ Григорий Алексеевич Козлов-Угренин (1738-?) – полковник, комендант Охотска и Камчатки в 1784–1789 гг. Участник первой турецкой войны 1768-1774 гг. – прим. перев.

пор имел столько поводов восхищаться⁵. Он отнёсся к моим чувствам с предельной вниманием. Я заметил слезу сочувствия и в его глазах, когда шляпки отчалили, и мы следили за ними, покуда они не скрылись из глаз, после чего он проводил меня до своего дома и не жалел сил, чтобы отвлечь меня от грустных размышлений. Трудно представить, что я испытывал в эту минуту, для этого необходимо оказаться в моем положении и остаться одному в этих едва открытых местах, в четырёх тысячах лье от моей родной земли. Даже без этого огромного расстояния мрачный вид страны, где я очутился, достаточно ясно предсказывал, что мне придётся вынести во время моего долгого и опасного пути. Но вскоре приём, оказанный мне жителями города, и любезность господина Козлова и других русских офицеров мало-помалу сделали меня менее чувствительным к отъезду моих соотечественников.

Утром 30 сентября, при благоприятном ветре, фрегаты подняли паруса и уже через несколько часов исчезли за горизонтом. С этим ветром они продолжали плыть ещё несколько дней. Я высказал в душе самые искренние пожелания всем моим друзьям на борту – последний печальный знак моей благодарности и привязанности.

Граф де Лаперуз одобрял мою самостоятельность, но в то же время настоятельно рекомендовал мне оставаться под опекой господина Козлова, что вполне соответствовало моим желаниям. Комендант обещал проводить меня до Охотска, где находилась его резиденция, и куда он должен был немедленно отправиться. Я был рад, что отдан в такие хорошие руки, и не постеснялся беспрекословно принять его предложение.

Его намерение состояло в том, чтобы добраться до Большерецка⁶ и подождать там, пока не установится санный путь, который бы существенно облегчил наше путешествие в Охотск. Переход по морю тоже был не менее опасен; кроме того, для этого не было ни одного судна ни в Петропавловской гавани, ни в Большерецке⁷.

Господину Козлову нужно было уладить свои дела, которые, вместе с приготовлениями к отъезду, задержали нас ещё на шесть дней и дали мне время убедиться, что фрегаты вряд ли вернутся. Я также воспользовался этой возможностью, чтобы начать свои наблюдения и записывать в дневник всё, что со мной произошло. В частности, я осмотрел Авачинскую бухту и Петропавловскую гавань, чтобы составить о них правильное представление.

Бухта эта была подробно описана капитаном Куком, и я нашёл его рассказ весьма точным. С тех пор она претерпела некоторые изменения, за которыми, как говорят, последуют многие другие, особенно в отношении Петропавловского порта. Вполне возможно, что уже следующий корабль, который прибудет сюда, ожидая увидеть только пять или шесть домов, удивится виду целого города, построенного, правда, из дерева, но вполне защищённого.

Таков, по крайней мере, был план, который, как я узнал косвенно, был составлен господином Козловым, чьи взгляды столь же велики и благоприятны для служения Её Величеству. Выполнение этого плана будет способствовать не в малой степени увеличению известности порта, который уже прославился благодаря иностранным судам, заходившим сюда, а также из-за его удачного расположения для торговли⁸.

⁵ Он не только одарил каждого участника экспедиции, но и пожелал снабдить провизией наши корабли. Несмотря на трудности, связанные с разведением на полуострове крупного рогатого скота, он доставил за свой счёт семерых быков, и никакие уговоры не могли заставить его согласиться на какой-либо эквивалент, он даже сожалел, что не может раздобыть большего количества.

⁶ Большерецк или Большерецкий острог – бывшее селение на зап. побережье полуострова Камчатка. Основан в 1703 году. С 1739 по 1783 – административный центр Камчатки. Прекратил существование в 1928 году. – *прим. перев.*

⁷ Охотское море достаточно безопасно для путешествий только летом, этого правила придерживались все местные мореплаватели.

⁸ Согласно рассказам мореплавателей, это самый удобный порт в этой части Азии, и он должен быть главным торговым центром страны. Это было бы тем более выгодно, что суда, часто посещающие другие порты, обыкновенно считают за удачу, если им удастся избежать кораблекрушения от штормов и непогоды; и по этой причине императрица прямо запретила там всякое плавание после 26 сентября. В то же время я узнал одно обстоятельство, которое подтверждает сказанное мною и, по-видимому, послужило поводом для первоначального плана этих улучшений. В 1786 году некий английский корабль, принад-

Чтобы понять необходимость и оценить полезность этого проекта, нет ничего лучшего, чем иметь представление о размерах и форме Авачинской бухты и Петропавловского порта. Существует уже много их подробных описаний, поэтому я ограничусь тем, что может служить иллюстрацией проекта господина Козлова.

Петропавловская гавань, как известно, расположена к северу от входа в бухту, а на юге отделена от неё узким перешейком суши, на котором построен острог⁹, или деревня Камчатка. На возвышенности к востоку, в самой внутренней точке залива, находится дом местного коменданта¹⁰, у которого остановился г-н Козлов на время своего пребывания здесь. Рядом с этим домом, почти в том же ряду, стоит дом командира гарнизона, а чуть выше, к северу – дом сержанта. Эти трое составляют всё «знатное» население порта. Напротив входа в порт, на склоне возвышенности, с которой видно длинное озеро, находятся развалины госпиталя, упомянутого капитаном Куком¹¹. Под ними, ближе к берегу, находится здание, служащее гарнизону арсеналом и постоянно охраняемое караулом. Таково было состояние, в котором мы нашли Петропавловский порт.

Судя по предлагаемому проекту, он, очевидно, станет интересным местом. Вход в гавань будет закрыт или, по крайней мере, окружён укреплениями, которые будут служить одновременно и защитой с внешней стороны будущего города, который должен быть построен главным образом на месте старого госпиталя, то есть между портом и озером. Артиллерия также должна быть установлена на перешейке, которая отделяет залив от озера, чтобы защитить другую часть города. Короче говоря, по этому плану вход в бухту должен был быть защищён достаточно сильной батареей на наименее возвышенной точке левого берега, чтобы суда, входящие в бухту, не могли избежать пушечного обстрела из-за волноломов справа. В настоящее время на вершине скалы стоит батарея из шести или восьми пушек, недавно воздвигнутая для приветствия наших фрегатов.

Частью плана является увеличение гарнизона, состоящего в настоящее время только из сорока казаков. По своему образу жизни и одежде они похожи на камчадалов, за исключением того, что во время службы у них есть сабля, огнестрельное оружие и патронная сумка; и, конечно, у них другие черты лица и язык.

лежащий месье Ланцу, торговцу из Макао, стал на якорь в порту Петропавловска. Капитан Питерс, командовавший этим судном, сделал русским коммерческое предложение, о котором я расскажу ниже. По договору, заключённому им с русским купцом по фамилии Шелихов, он обязался вести торговлю с этой частью Российского государства и потребовал товаров на сумму восемьдесят тысяч рублей. Эти товары, вероятно, состояли бы из мехов, которые англичане рассчитывали сбыть в Китае, откуда они привезли бы взамен товары и другие предметы, нужные русским. Шелихов немедленно отправился в Петербург, чтобы испросить согласия своей государыни, которое он и получил; но пока он пытался выполнить условия контракта со своей стороны, он узнал, что английское судно затонуло у берегов острова Медного при возвращении на Камчатку из северо-западной части Америки, куда оно, вероятно, отплыло, чтобы доставить свой груз, который оно рассчитывало продать в Петропавловской гавани. Известно, что спаслись только двое членов экипажа – португалец и бенгальский негр, которые провели зиму на острове Медном, откуда русское судно доставило их в Нижнекамчатск. Мы встретились с ними в Большерецке, и господин Козлов намеревался отправить их на следующий год в Петербург.

⁹ Слово «острог» на самом деле означает поселение, окружённое частоколом. Оно происходит, я полагаю, от укреплений, наспех сооружаемых русскими для защиты от туземцев, которые, несомненно, не всегда мирились с вторжением на их земли. Острогами теперь называются почти все деревни в этой части страны.

¹⁰ Его звали Хабаров, и он имел чин прапорщика.

¹¹ Неподальку от этого места, под деревом, было погребено тело капитана Кларка [Чарльз Кларк (1741–1779), капитан-командор, исследователь Берингова моря, участник четырёх кругосветных плаваний. – прим. перев.]. Надпись, которую англичане поместили на его могиле, была сделана на дереве и долго бы не сохранилась. Граф де Лаперуз, желая, чтобы имя этого мореплавателя сохранилось на века, заменил её надписью на медной пластине. Нет нужды упоминать, что в то же самое время он поинтересовался, где похоронен знаменитый французский астроном де ла Кройер [Людовик Делиль де ла Кроер (1685–1741), профессор астрономии, академик Петербургской Академии наук – прим. перев.]. Он попросил господина Козлова воздвигнуть на том месте надгробие и поместить на нём эпитафию, которую он оставил выгравированной на меди и описывающую достоинства и обстоятельства смерти нашего соотечественника. Я видел, как его просьба была исполнена после ухода фрегатов.

Что касается поселения камчадалов, которое составляет значительную часть этой деревни и расположено, как я уже сказал, на узком выступе суши, который закрывает вход в порт, то в настоящее время оно состоит из тридцати-сорока жилищ, включая зимние и летние, называемых избы и балаганы. Общее число жителей не превышает ста человек мужчин, женщин и детей. В плане увеличить их до более чем четырёхсот.

К этим подробностям, касающимся Петропавловской гавани и её предполагаемых улучшений, я добавлю несколько замечаний о характере почвы, климата и рек. Берега Авачинского залива труднодоступны из-за высоких гор, некоторые из которых покрыты лесом, а другие являются вулканами¹². Растительность местных долин поразила меня. Трава почти в человеческий рост, а полевые цветы, такие как дикие розы и другие, перемежающиеся с ними, распространяли чудный аромат.

Сильные дожди идут, как правило, весной и осенью, а осенью и зимой также дуют сильные ветра. Зима иногда бывает дождливой; но, несмотря на её продолжительность она, как меня уверяли, не очень сурова, по крайней мере здесь на юге Камчатки¹³. Снег выпадает в октябре, и оттепелей не бывает до апреля или мая; но даже в июле снег лежит на вершинах высоких гор и особенно вулканов. Лето довольно тёплое; в середине лета бывает жарко. Грозы бывают редко и никогда не наносят вреда. Таков климат почти всей этой части полуострова.

Две реки несут свои воды в Авачинскую бухту – та, которой названа бухта, и Паратунка. Обе они изобилуют рыбой и всевозможными видами водоплавающих птиц, но они настолько пугливые, что к ним невозможно подойти ближе, чем на пятьдесят ярдов. Судоходство по этим рекам после 26 ноября невозможно, к этому времени они всегда замерзают; а в середине зимы и сам залив покрывается льдом, который сохраняется, если ветер дует с моря; но полностью тает, как только он начинает дуть с суши. Гавань Петропавловска обычно покрывается льдом в январе месяце.

Я, конечно, должен рассказать здесь что-нибудь о нравах и обычаях камчадалов, об их домах или, вернее, хижинах, которые они называют избы и балаганы; но я отложу это до приезда в Большерецк, где у меня будет больше свободного времени и больше возможностей описать их подробнее.

¹² Примерно в пятнадцати-двадцати верстах от порта находится вулкан, который посетили натуралисты, сопровождавшие графа де Лаперуза, и о котором будет рассказано в его путешествии. Жители рассказывали, что вулкан часто дымит, но извержения, которые раньше были частыми, не случались уже много лет.

¹³ Ужасные холода, на которые жаловались англичане, наверное, имели место, и я сделаю вид, что согласен с ними. Они, правда, утверждают, что местные жители не смеют выходить из своих подземных жилищ-юрт в течение всей зимы, опасаясь замёрзнуть. Я не замечал такого, по крайней мере, в южной части полуострова, но, возможно, буду иметь случай наблюдать в другом месте. Признаюсь, однако, что холод, который я испытал во время моего пребывания там и который, возможно, можно сравнить с зимой 1779 года, показался мне очень похожим на тот, что бывает в Санкт-Петербурге. Англичане, возможно, имели в виду нечто другое – эти ужасные снежные ураганы, настолько свирепые, что невозможно ни выйти из своего убежища, ни двигаться вперёд, если вы находитесь в пути. Я испытал это не раз, как будет видно в дальнейшем.

Глава II

Отъезд из Петропавловска – Прибытие в Паратунку – Описание этого острога – Камчадалские жилища – Балаганы – Избы – Тойон острога – Прибытие в Коряки – Прибытие в Начикинские бани – Описание бань – Способы анализа горячих вод – Результат наших экспериментов – Способ охоты на соболя – Отъезд из Начиков и подробности нашего путешествия – Прибытие в Аначи.

Мы выехали из Петропавловской гавани 7 октября. Наш отряд состоял из господ Козлова, Шмалева¹⁴, Ворохова¹⁵, Ивашкина¹⁶, меня и свиты коменданта, состоявшей из четырёх сержантов и такого же количества солдат.

Командир порта, вероятно из уважения к господину Козлову, своему начальнику, присоединился к нашему небольшому отряду, и мы отправились на байдарках¹⁷ пересечь бухту и добраться до Паратунки, где нас должны были ждать лошади для продолжения нашего путешествия.

Через пять-шесть часов мы прибыли в этот острог, где есть церковь и проживает священник¹⁸. Его дом служил нам пристанищем, где нас приняли с величайшим гостеприимством;

¹⁴ Господин Шмалев – главный инспектор Камчатки, или, как его называют в России, капитан-исправник; это тот самый человек, которого англичане имели столько оснований хвалить, и добрые услуги, оказанные им нам, делают его равным образом достойным нашего уважения. [Василий Иванович Шмалев был «командиром» Камчатки и комендантом Петропавловской гавани в 1779—1799 годах. Ему довелось встречать и провожать корабли таких великих мореплавателей как Д. Кук, Ж.-Ф. Лаперуз и Г.А. Сарычев. – прим. перев.]

¹⁵ Секретарь Шмалева. Имеет офицерское звание и занимается гражданскими делами.

¹⁶ Господин Ивашкин [Петр Матвеевич (1723-1806) – прапорщик Преображенского полка, крестник Петра I, был обвинён в заговоре против Елизаветы Петровны – прим. перев.] – тот самый несчастный джентльмен, о котором упоминают англичане и который во всех отношениях заслуживает похвал. Простого перечисления его несчастий достаточно, чтобы возбудить сострадание любого читателя; надо было видеть его, чтобы понять, чем вызван такой интерес к его горестной участи. Ему не было и двадцати лет, когда императрица Елизавета сделала его сержантом своей Преображенской гвардии. Он уже пользовался некоторым доверием при дворе, а свободный доступ к государыне, который давала ему его должность, открывал для его честолюбия самую блестящую карьеру; как вдруг его не только опозорили и лишили всех его лучших надежд, но и поступили с ним, как с величайшим преступником: его «кнутовали», что является самым суровым и унижительным наказанием, практикуемым в России, вырвали ноздри и сослали пожизненно на Камчатку. Англичане рассказывали нам, как он страдал в течение более двадцати лет от жестокости, с которой к нему относились; ему отказывали даже в самом необходимом, и он наверняка умер бы от голода и нищеты или впал в отчаяние, если бы не его ум и физическая выносливость. Необходимость обеспечить себе пропитание вынудила его не без отвращения породниться с камчадалами и целиком перенять их образ жизни. Он одевается так же, как они, и с помощью охоты и рыбной ловли может не только прокормить себя, но и имеет некоторый излишек, от продажи которого имеет те небольшие удобства, которые хоть как-то скрашивают его жалкое существование. Он проживает в Верхне-Камчатске. Русские ничего не знают о причине его столь сурового наказания; они склонны приписывать его недоразумению или каким-нибудь его неосторожным словам, ибо не верят, что он способен на преступление. Со временем, однако, произошла перемена в оценке тяжести его преступления, и недавно было сделано предложение изменить место его изгнания и переселить его в Якутск, город, в котором условия для жизни, несомненно, лучше. Но этот несчастный, которому на вид лет 60-65, отказалось воспользоваться этим разрешением, не желая, как он сказал, выставлять напоказ отвратительные следы своего бесчестия и во второй раз краснеть от ужасного наказания, которому он подвергся. Он предпочёл остаться жить с камчадалами, имея лишь одно желание – провести несколько оставшихся лет жизни с теми, кто знает о его честности, и унести с собой в могилу дружбу и уважение, которые он так справедливо заслужил. Рассказы англичан побудили графа де Лаперуза встретиться с этим несчастным, который с первой минуты внушил ему живейшее сострадание. Он принял его на борту своего корабля и за своим столом. Гуманность графа не ограничивалась сочувствием к его несчастьям; он искал все средства смягчить их, оставив ему всё, что могло напомнить ему о нашем пребывании там и убедить его, что англичане – не единственные иностранцы, равнодушные к его печальной участи.

¹⁷ Байдары – лодки, несколько похожие на европейские, за исключением того, что борта их сделаны из досок шириной от четырёх до шести дюймов, скреплены между собой верёвками шнурами и законопачены мхом. Это единственные суда, которые используются для плавания к Курильским островам, на них обычно гребут, но иногда используют парус.

¹⁸ Его зовут Феодор Верещагин; он стал преемником своего старшего брата Романа Верещагина, который был так любезен с капитаном Клерком и которого я потом нашёл в Большерецке. Его предшественник сообщил англичанам, что этот приход должен быть немедленно переведён в Петропавловскую гавань; но это не может произойти до тех пор, пока не будут приведены

хотя едва мы вошли, как дождь хлынул с такой силой, что нам пришлось задержаться дольше, чем хотелось бы.

Я охотно воспользовался этим коротким промежутком времени, чтобы описать некоторые вещи, отложенные мною до приезда в Большерецк, где, быть может, я найду и другие, не менее интересные.

Острог Паратунка расположен на берегу реки с таким же названием, примерно в двух лье от её устья¹⁹. Жителей в ней едва ли больше, чем в Петропавловской гавани, да и число изб и балаганов, кажется, почти такое же²⁰. В своё время оспа произвела в этом месте ужасное опустошение.

Камчадалы живут в балаганах летом, а зимой переезжают в избы. Так как считается желательным, чтобы они постепенно стали жить как русские крестьяне, то в этой части Камчатки им запрещено строить новые юрты, и в настоящее время их почти не осталось²¹.

Балаганы возвышаются над землёй на нескольких столбах высотой около двенадцати или тринадцати футов. Это подобие колоннады поддерживает в воздухе платформу из брёвен, соединённых друг с другом и покрытых глиной; это служит полом для всего здания, которое состоит из крыши в форме конуса из длинных шестов, скреплённых вместе наверху и опирающиеся на платформу. Всё это покрыто чем-то вроде соломы или сухой травы. Внутри находится единственное помещение, или, если хотите, комната, посередине горит огонь, на котором готовят пищу, отверстие в крыше служит дымоходом, в этой же комнате все вместе едят и спят где попало без малейшего недовольства или стеснения. Об окнах в этих «квартирах» не может быть и речи; есть только дверь, такая низкая и узкая, что её едва хватает, чтобы впускать немного света. Наружная лестница не мудрёнее остальной части здания – это просто бревно с неряшливо вырубленными в нём ступеньками, один конец его лежит на земле, а другой достаёт до платформы. Лестница расположена под углом к двери и ведёт на что-то вроде открытой галереи перед входом. Ступеньки на этом круглом бревне так неудобны, что я не раз рисковал сломать себе шею. Действительно, всякий раз, когда эта мерзкая лестница проворачивается под ногами тех, кто к ней не приспособился, сохранить равновесие невозможно, падение неизбежно, а последствия его прямо пропорциональны высоте. Когда хозяева хотят сообщить, что дома никого нет, они просто поворачивают лестницу ступеньками вниз.

Идею строительства таких странных жилищ на самом деле подсказал образ жизни этих людей. Их основной пищей, а также пищей их собак является сушёная рыба, поэтому для того, чтобы высушить рыбу и другие продукты питания, им необходимо иметь место, защищённое от солнечного света и в то же время совершенно открытое для воздуха. Такое место и есть под их балаганами, там они вешают свою рыбу, либо под потолок, либо по бокам – так, чтобы она была вне досягаемости их прожорливых собак. Кстати, это пространство под домами также используется в качестве жилища для этих собак, которых камчадалы используют, чтобы возить сани²². Там они и живут, привязанные к столбам, там находят укрытие от непогоды и тень

в исполнение намеченные улучшения в отношении порта. Надо заметить, что англичане упустили из виду, что там уже когда-то была церковь, от которой мало что осталось.

¹⁹ Эта река впадает, как я уже говорил, в Авачинскую бухту. Отмели, которые обычно обнажаются при отливе, делают вход судов в неё невозможным; впрочем, это трудно даже при высокой воде.

²⁰ Когда я рассматривал камчадалские дома, я иногда представлял себе презрительное недоумение, которое выказали бы при виде их наши французские сибариты. Кто-то из них гордится своими обширными усадьбами, другие – своими маленькими опрятными домиками, а кто-то – роскошно украшенными квартирами с великолепной мебелью. Я думаю, они воскликнут: как люди могут жить в этих жалких хижинах! Камчадал, однако, отнюдь не несчастен в своём жилище, архитектура которого, кажется, ведёт нас назад к первобытной эпохе; он живёт там со своей семьёй в спокойствии и наслаждается, по крайней мере, тем счастьем, что имеет меньше потребностей и поэтому знает меньше лишений, а перед глазами у него нет предметов для завистливого сравнения.

²¹ Впоследствии я нашёл несколько юрт в северной части полуострова и описал их в надлежащем виде.

²² Поскольку скоро мне придётся перейти на этот способ передвижения, я отложу описание собак до того времени.

от палящего солнца. Таковы преимущества, вытекающие из особого способа строительства летних жилищ камчадалов.

Зимние жилища менее своеобразны, и если бы они были побольше, то точно походили бы на жилища русских крестьян. Избы построены из дерева, то есть стены сделаны из больших брёвен, промежутки между которыми заполнены глиной. Крыша наклонная, как у наших деревенских домов, и покрыта грубой травой или камышом, а часто и досками. Внутренняя часть разделена на две комнаты, с печкой, расположенной так, чтобы согреть их обе, и которая служит также очагом для приготовления пищи. С двух сторон большей комнаты закреплены широкие скамьи, а иногда и простенький диванчик из досок, обтянутый медвежьей шкурой. Это ложе главы семьи, и женщины, которые в этой стране являются рабынями своих мужей и выполняют всю самую тяжёлую работу по дому, считают себя счастливыми, если им позволяют спать на нём.

Кроме этих скамеек и кровати, есть ещё стол и множество изображений различных свя-
тых, которыми камчадалы так же старательно увешивают стены своих покоев, как наши богатые ценители прекрасного выставляют свои великолепные картины.

Окна, как можно предположить, небольшие. Вместо стёкол в них натянуты шкурки или пузыри лосося, а иногда и листья слюды, но это редко и предполагает некоторую роскошь. Рыбы шкурки так выделаны, что становятся прозрачными и пропускают в комнату слабый свет²³, но предметы сквозь них не видны. Пластинки слюды более прозрачны и приближаются к стеклу; в то же время они недостаточно прозрачны для людей снаружи, чтобы видеть, что происходит внутри, а это явно является удобством для таких низких домов.

Каждый острог возглавляется вождём, называемым «тойон». Он избирается из числа туземцев, голосованием. Русские сохранили за ними эту привилегию, но выборы должны быть одобрены юрисдикцией провинции. Этот тойон – обычный крестьянин, как и те, кого он судит и кем управляет; у него нет никакого знака отличия, и он выполняет те же самые работы, что и его подчинённые. В его обязанности входит главным образом наблюдение за порядком и исполнением правительственных распоряжений. При нём находится ещё один камчадал, выбранный самим тойоном в качестве помощника. Этот вице-тойон называется «есаул». На самом деле это название казачьего чина, камчадалы приняли его со времён появления казаков на их полуострове и он стал означать второго вождя племени. Необходимо добавить, что, когда поведение этих вождей признается коррумпированным или возбуждает жалобы их подчинённых, русские офицеры, начальствующие над ними, или другие органы, учреждённые правительством, немедленно отстраняют их от исполнения их обязанностей и назначают других, более приятных для камчадалов, у которых, тем не менее, остаётся право выбора.

Дождь не прекращался, не позволяя нам продолжить путешествие, и любопытство побудило меня воспользоваться этой задержкой, чтобы пройтись по острогу и его окрестностям.

Сначала я пошёл в церковь, которая была построена из дерева и украшена в русском деревенском стиле. Я заметил герб капитана Клерка, написанный мистером Уэббером, и надпись по-английски, посвящённую смерти этого достойного преемника капитана Кука; она указывала место его погребения в Петропавловской гавани.

Во время пребывания здесь французских фрегатов я был в Паратунке на охоте с виконтом де Ланглем. Когда мы вернулись, он рассказал о многих интересных предметах, которые он увидел в церкви и которые тогда совершенно ускользнули от моего внимания. Это были, насколько я помню, различные пожертвования, оставленные там, как он сказал, некими древними мореплавателями, потерпевшими кораблекрушение. Я намеревался изучить их во время моего второго визита в этот острог; но то ли это выпало из моей памяти, то ли мои исследования были слишком поспешны, но я так и не обнаружил их.

²³ В этом они чем-то похожи на промасленную бумагу в окнах наших промышленных помещений.

Деревня окружена лесом, я пересёк его, идя вдоль реки, и увидел обширную равнину, простирающуюся на север и восток до самых Петропавловских гор. Цепь их заканчивается на юге и западе другой, частью которой является гора Паратунка, возвышающаяся в пяти или шести верстах от одноимённого острога. На берегах рек, протекающих по этой равнине, часто можно увидеть следы медведей, которых привлекает рыба, которой изобилуют эти реки. Жители уверяли меня, что можно видеть их на этих берегах по пятнадцать–восемнадцать особей за раз и что всякий раз, когда они охотились на них, они добывали по крайней одной–двух за день. Скоро мне представится случай рассказать об их охоте и об их оружии.

Мы выехали из Паратунки и снова пустились в путь; двадцати лошадей было достаточно для нас и нашего багажа, который был невелик, так как господин Козлов предусмотрительно отправил большую его часть по воде до острога Коряки. Река Авача судоходна не дальше этого острога, и то только на небольших лодках, называемых «баты». Байдары служат только для того, чтобы пересечь Авачинскую бухту, и не могут пройти дальше устья реки, где их груз перегружается в баты. Из-за мелководья и быстроты течения на этих лодках плывут вверх, отталкиваясь от дна шестью. Именно таким образом наши вещи прибыли в Коряки.

Что касается нас, то, переправившись через реку Паратунку по мелководью и обойдя несколько её притоков, мы вышли на путь, который был лесистым и менее ровным, но который пролегал почти полностью в долинах, и нам предстояло подняться только на две горы. Наши лошади, несмотря на их поклажу, двигались весьма быстро. У нас не было ни малейшего повода жаловаться на погоду, она была так прекрасна, что я начал думать, что сведения о суровости климата здешних мест преувеличены, но вскоре я слишком хорошо убедился в их истинности, и в продолжение моего путешествия имел все возможности привыкнуть к самым пронизывающим морозам, иногда радуясь, что среди льда и снега не приходится ещё бороться и с яростным ветром.

Мы ехали от Паратунки до Коряков около шести-семи часов, что, насколько я мог судить, составляет от тридцати восьми до сорока вёрст. Едва прибыв на место, мы были вынуждены укрыться от дождя в доме тойона; он уступил свою избу господину Козлову, и мы провели там ночь.

Острог Коряки расположен в лесу на берегу реки Авачи, которая в этой месте становится совсем узкой. Пять–шесть изб, да десятка полтора балаганов составляют эту деревню, похожую на Паратунку, только она меньше и не имеет церкви. Я вообще заметил, что в небольших далёких острогах часто не бывает церквей.

На следующий день мы поехали в Начики, другой острог на большерецкой дороге. Здесь мы должны были остановиться на несколько дней ради бань, которые господин Козлов построил на свои средства для пользы и удовольствия жителей на горячих источниках, которые я сейчас опишу. Путь от Коряков до Начиков довольно удобен, и мы без труда пересекли все небольшие ручьи, стекающие с гор, у подножия которых мы проходили. Примерно на трех четвертях пути мы вышли на реку Большую²⁴ в месте её наибольшей ширины, которая в этом месте составляет около десяти или двенадцати ярдов. Здесь она сильно петляет на северо-восток; мы некоторое время шли по её берегу, пока не достигли небольшой горы, которую нам надо было перейти, чтобы добраться до деревни. Сильный дождь, который продолжался от самых Коряков, здесь прекратился, а ветер переменялся на северо-западный, небо заволокло тучами, пошёл сильный снег, который продолжался до нашего прибытия. Я заметил, что снег уже покрыл горы, даже самые низкие, на которых он лежал на определённой высоте, так что нижняя его граница прочерчивала по горам ровную линию. Мы переправились вброд через реку Большую и нашли на другой стороне острог Начики, где я насчитал шесть или семь изб

²⁴ Современное название этой реки – Плотникова. Рекой Большой сейчас называется только участок (58 км.) реки ниже слияния р. Плотникова и р. Быстрой. – *прим. перев.*

и двадцать балаганов, подобных тому, что я уже видел. Мы не останавливались там, так как г-н Козлов счёл нужным немедленно поспешить в бани, которым я тоже был рад, как из любопытства, так и по необходимости.

От дождя и снега я насквозь промок, а, переправляясь через реку, промочил и обувь. Поэтому очень хотелось переодеться, но когда мы приехали в баню, оказалось, что наш багаж ещё не прибыл. Мы попробовали обсушиться, пройдясь по окрестностям, заодно надеясь увидеть что-нибудь интересное. Я был очарован всем, что увидел, но мы так продрогли от сырой погоды и промокшей одежды, что быстро прекратили нашу прогулку. По возвращении нас ждало разочарование. Багаж так и не прибыл, а место, где мы находились, было не только самым сырым, какое только можно было выбрать, но и – хотя оно казалось достаточно защищённым – очень ветреным. Господин Козлов прибегнул к горячей ванне, которая быстро привела его в чувство; но я не осмелился последовать его примеру и был вынужден ждать прибытия нашего багажа. Сырость проникла в меня до такой степени, что я дрожал всю ночь.

На следующий день я попробовал эти ванны и могу сказать, что никогда ещё подобные процедуры не доставляли мне такого удовольствия и такой пользы. Но прежде чем я продолжу, я должен описать источник этих горячих вод и помещение, построенное для купания.

Бани находятся в двух верстах к северу от острога и примерно в ста ярдах от реки Большая, которую необходимо ещё раз пересечь, чтобы добраться сюда. Густой пар непрерывно поднимается от этих вод, которые падают частыми каскадами с крутого склона в трехстах ярдах от места, где воздвигнуты сами бани. Внизу поток этот имеет глубину полтора фута и ширину в шесть–семь футов. Недалеко от реки Большой этот ручей встречается с другим, с которым он вливается в реку. В месте их слияния, примерно в восьми-девяти сотнях ярдов от источника, вода настолько горячая, что невозможно держать в ней руку в течение полминуты.

Господин Козлов продуманно возвёл бани в самом удобном месте, где температура воды наиболее умеренная. Они построены из дерева, над серединой ручья, и имеют шестнадцать футов в длину и восемь в ширину. Помещение разделено на две комнаты, каждая размером семь на семь футов и столько же в высоту: та, что ближе к источнику и под которой вода, следовательно, горячее, предназначена для купания; другая служит гардеробной, для этого там есть широкие скамьи. Есть одно обстоятельство, которое делает эти ванны особенно приятными: тепло от воды хорошо обогревает гардеробную; а в ванне тело прогревается до такой степени, что это ощущается ещё в течение часа–двух после купания.

Мы поселились рядом с этими банями в чем-то вроде амбаров, крытых соломой. Мы заняли две комнаты, построенные специально для нас и за такое короткое время, что я сначала не поверил этому, но вскоре убедился собственными глазами. То, что находилось к югу от ручья, было слишком маленьким и сырым, и господин Козлов приказал построить другой дом попросторнее на противоположной стороне ручья, где почва менее болотистая. Это было сделано за один день, и к вечеру всё было закончено! Была даже сделана дополнительная лестница, соединявшая наш дом с купальней.

Но в наших жилищах было так невыносимо холодно по ночам, и через четыре дня господин Козлов решил покинуть их. Мы вернулись в деревню, поселившись у тойона, но привлекательность бань каждый день приводила нас обратно, чаще дважды, и мы почти никогда не уходили оттуда без купания.

Различные постройки, которые господин Козлов заказал для удобства своего заведения, задержали нас ещё на два дня. Воодушевленный любовью к добродетели и человечности, он наслаждался тем, что строил эти целебные ванны для своих бедных камчадалов.

Их незнание целебных свойств этих вод или, возможно, их лень, без его помощи лишили бы камчадалов их пользы, несмотря на бесспорную уверенность местных жителей в пользе

горячих источников для лечения различных болезней²⁵. Это заставило господина Козлова выяснить свойства этих вод; мы решили сделать их анализ с помощью метода, который был у него записан для этой цели. Но прежде чем рассказать о результатах наших экспериментов, я изложу здесь весь процесс, чтобы лучше проследить последовательность наших действий.

Вода вообще может содержать:

1. Углекислый газ; в этом случае она имеет острый и кисловатый вкус, как лимонад без сахара.
2. Железо или медь; и тогда она имеет терпкий и неприятный вкус, как чернила.
3. Серу, или сероводород; и тогда у воды очень тошнотворный вкус и запах, как у тухлого яйца.
4. Серноокислую, хлорную или щелочную соль.
5. Известь

Углекислота.

«Чтобы определить углекислоту, достаточно попробовать воду на вкус; но если налить в воду немного раствора лакмуса, вода покраснеет, пропорционально количеству углекислоты, в ней содержащейся»

Железо.

«Железо можно узнать с помощью чернильных орешков и жёлтой кровяной соли; орешек, помещённый в железистую воду, изменит свой цвет на синий, фиолетовый или чёрный, и жёлтая кровяная соль немедленно произведёт берлинскую лазурь²⁶»

Медь.

«Медь можно определить с помощью жёлтой кровяной соли или аммиака; первая окрашивает воду в коричнево-красный цвет, а второй – в синий. Последний способ является наиболее надёжным, поскольку аммиак осаждает только медь, а не железо»

Сера.

«Сера и сероводород могут быть обнаружены путём добавления в воду:

1. азотистой кислоты; если в ней образуется желтоватый или беловатый осадок серы и появится сернистый запах.
2. нескольких капель раствора сулемы; если образуется белый осадок, то вода содержит только сернистый калий, а если осадок чёрный, то вода содержит только серу»

Серноокислая соль.

«Вода может содержать серноокислые соли, то есть соли, образующиеся в результате сочетания серной кислоты с известняком, железом, медью или едкой щёлочью. Серную кислоту можно определить, добавив несколько капель раствора окиси бария, ибо тогда образуется песчаный осадок, который медленно осядет на дно сосуда»

Хлорные соли.

²⁵ Раньше они не осмеливались приближаться к этим источникам или к какому-либо вулкану, считая их обителью злых духов.

²⁶ Краситель, ферроцианид, имеющий яркую синюю окраску. – прим. перев.

«Вода может содержать хлориды, которые можно определить, добавив в неё несколько капель раствора азотнокислого серебра; немедленно образуется белый осадок похожий на свернувшееся молоко, который затем темнеет»

Щёлочи.

«Вода может содержать щёлочь, которую можно обнаружить, добавив в нее несколько капель раствора сулемы; при этом образуется красноватый осадок»

Известь.

«Вода может содержать известь и магнезию. Несколько капель щавелевой кислоты, вылитых в воду, осаждают известь в виде белесых хлопьев, которые затем осаждаются на дне. Если вода содержит магнезию, то несколько капель раствора сулемы, дадут, но очень медленно, красноватый осадок»

«Внимание! Чтобы провести эти эксперименты с большей точностью, анализируемая вода должна быть наполовину выпарена путём кипячения, за исключением углекислого газа, который улетучится при кипячении»

Тщательно изучив последовательность действий, мы приступили к экспериментам. Три первых не произвели никакого эффекта, и мы пришли к заключению, что вода не содержит ни углекислоты, ни железа, ни меди; но при добавлении азотистой кислоты, упомянутой для четвертого эксперимента, мы увидели лёгкую муть беловатого цвета, осевшую на дне, совсем немного, что привело нас к мысли, что количество серы или сероводорода должно быть очень малым.

Пятый эксперимент показал, что вода содержит сернокислые соли или, по крайней мере, сернистую кислоту, смешанную с известью. Мы убедились в существовании этой кислоты, влив в воду несколько капель раствора сулемы, которая стала белой и мутной, а осадок, медленно оседавший на дне сосуда, казался белесым и состоял из очень мелких зёрен.

У нас не было никакой соли серебра для шестого эксперимента, чтобы установить, содержит ли вода хлористые соли.

Седьмой показал, что в ней нет щелочи.

В восьмом эксперименте мы обнаружили, что вода содержит большое количество извести – кальциевой щелочи, но не магнезии. Налив несколько капель щавелевой кислоты, мы наблюдали, как известковый осадок оседает на дно сосуда хлопьями беловатого цвета; затем мы добавили раствор сулемы, чтобы обнаружить магнезию; но осадок, вместо того чтобы стать красным, сохранил тот же цвет, как доказательство того, что вода не содержала магнезии.

Мы приходилось использовали эту воду для питья и чая. Но только через три или четыре дня мы обнаружили, что в ней есть какие-то соли.

Г-н Козлов набрал из источника воду и кипятил её до тех пор, пока она полностью не испарилась; беловатый и очень солёный порошок, который остался на дне сосуда, показывал, что вода содержит азотистые соли.

Мы заметили также, что камни, извлечённые из источника, покрыты известковым веществом, довольно толстым и бугристым, которое при воздействии на него серной и азотистой кислотой вызывало шипение. Образцы, взятые из более горячей части источника, оказались покрытыми слоем какого-то металла, если я могу назвать так твёрдую и плотную оболочку цвета очищенной меди, но что это за металл, мы не могли установить. Мы нашли также шарики этого металла, размером с булавочные головки, но никакая кислота не могла их растворить. Разбив добытые из ручья камни, мы обнаружили, что внутри они очень мягкие и смешаны с песком, которым, как я наблюдал, изобиловали эти ручьи.

Должен также добавить, что мы обнаружили в ручье и в небольшом болоте рядом с ним, необычный фукус²⁷. Он был липкий и не был прикреплен корнями к дну²⁸.

Таковы наблюдения, которые я сделал над этими термальными водами, помогая господину Козлову в его опытах и исследованиях. Я не смею льстить себе тем, что эта помощь была так уж велика, возможно, моя забывчивость или недостаток информации привели к некоторым ошибкам; я могу только сказать, что я приложил все свои усилия быть внимательным и точным; но в то же время признаю, что, если были какие-то недостатки, то надо приписать их исключительно мне.

Наконец, наши лошади привезли то, что мы оставили в Коряках, и мы начали готовиться к отъезду. В это время мне довелось увидеть пойманного живьем соболя; метод весьма своеобразен и может дать некоторое представление о способе охоты на этих животных.

На некотором расстоянии от бань господин Козлов заметил многочисленную стаю воров, которые кружились над одним местом, периодически пикируя на землю в одно и то же место. Это навело нас на мысль, что их привлекает там какая-то добыча. Оказалось, что эти птицы преследовали соболя. Мы увидели его на берёзе, окружённого ворами, и у нас тоже возникло желание поймать его. Самым быстрым и верным способом было бы, несомненно, застрелить его; но наши ружья были в деревне, и ни одного из сопровождавших нас людей их не было. Тогда один из камчадалов взялся поймать соболя. Он применил следующий метод. Он попросил у нас верёвку, и мы дали ему единственную, что у нас была – которой мы привязывали наших лошадей. Пока он завязывал на верёвке петлю, несколько собак, натренированных на такую охоту, окружили дерево; зверёк наблюдал за ними, но то ли от страха, то ли по природной глупости, не пошевелился; и удовольствовался тем, что вытянул шею, когда к нему поднесли петлю. Его голова дважды была в петле, но каждый раз узел соскальзывал. Наконец, соболю прыгнул на землю, собаки бросились на него, но он неожиданно вывернулся и когтями и зубами хватил за нос одну из собак, которая не нашла никаких оснований остаться довольной таким приёмом. Желая взять животное живым, мы придержали собак, соболю тотчас же воспользовался этим и снова взбежал на дерево, где ему в третий раз поднесли петлю, завязанную заново. С четвёртой попытки, наконец, петля затянулась²⁹. Я и представить себе не мог, что животное, обладающее таким хитрым видом, позволит поймать себя таким глупым способом и само сунет голову в силок, который ему поднесли. Этот забавный способ ловли соболей является значительным подспорьем для камчадалов, которые обязаны платить налог шкурами этих животных, как я объясню далее³⁰.

В продолжении ночей 13-го и 14-го октября на северо-западе наблюдались два небесных явления, но мы их пропустили. Из описания их, я понял, что это были *aurore boreales*, и мы сокрушались, что нам вовремя не сообщили о них. Во время нашего пребывания в банях погода была довольно хорошей, но западная часть неба почти постоянно была затянута плотными облаками. Ветер менялся с западного на северо-западный, и время от времени шёл снег, который, однако, не образовал устойчивого покрова, несмотря на холода, которые мы испытывали каждую ночь.

Наш отъезд был назначен на 17 октября, а 16-го мы провели в спешке и суете, которые обычно сопровождают последние приготовления. Остальная часть нашего маршрута до Большерецка должна была идти по реке Большой. Десять маленьких лодок, которые, собственно говоря, представляли собой каноэ, выдолбленные из дерева, связанных парами, служили пятью

²⁷ Фукус – род бурых водорослей, из которых добывают клейкое вещество типа агар-агара или камеди. – *прим. перев.*

²⁸ Г-н Козлов дал несколько образцов этой водоросли одному из натуралистов нашей экспедиции, аббату Монгесу, когда фрегаты стояли у Петропавловской гавани.

²⁹ Господин Козлов, участвовавший в этой охоте, любезно подарил мне этого соболя, и пообещал добавить ещё одного, чтобы я мог привезти с собой во Францию пару шкурок.

³⁰ Эти шкуры являются не только предметом торговли, но и служат разновидностью денег у камчадалов.

плотами для перевозки нас и части нашего имущества. Большую часть мы вынуждены были оставить в Начиках, так как погрузить всё на плоты было невозможно, а больше лодок не было. Мы и так собрали все каноэ, какие были в деревне, а некоторые даже были доставлены из острога Апача, куда мы направлялись.

17-го на рассвете, мы погрузились на плоты. Четыре камчадала вели их с помощью длинных шестов. Но им часто приходилось брести по воде и тащить их за собой; глубина реки в некоторых местах была не более одного-двух футов, а в других – и того меньше. Вскоре один из наших плотов получил повреждение, это был именно тот, который был нагружен нашим багажом, и мы были вынуждены выгрузить всё на берег, чтобы заняться починкой. Мы, правда, не стали ждать, а оставив с ним людей, продолжили свой путь. К обеденному времени случилось ещё одно несчастье, куда более прискорбное для людей, у которых разыгрался аппетит. Плот, на который погрузили кухню, вдруг затонул прямо у нас на глазах. Мы, конечно, не стали равнодушно наблюдать за такой потерей, а быстро спасли остатки провизии, и, прежде чем двинуться дальше, благоразумно решили пообедать, опасаясь ещё большего несчастья. Обед постепенно рассеял наши страхи и придал нам достаточно энергии, чтобы вычерпать воду, которая накопилась в лодках, и продолжить наше путешествие. Не успели мы тронуться, как встретили две лодки, шедшие нам на помощь из Апачи. Мы послали их на помощь повреждённому плоту и на замену непригодных лодок. Мы продолжали продвигаться вперёд во главе нашего каравана судов, пока, наконец, не потеряли остальных из виду, и до вечера не случилось ничего катастрофического.

Я заметил, что река Большая в своих изгибах часто меняла направление почти на противоположное. Течение её очень быстрое; мне казалось, она течёт со скоростью пяти узлов, между тем камни и отмели, которые мы встречали ежеминутно, до такой степени затрудняли нам плавание, что последний час был поистине мучителен для наших проводников. Они обходили препятствия с удивительной ловкостью, и по мере того, как мы приблизились к устью реки, я с удовольствием заметил, что она становится шире и судоходнее. Я был также удивлён, увидев, как она вдруг разделилась на не знаю сколько протоков, образовав множество маленьких островков, некоторые из которых были покрыты лесом и кустами, а потом снова соединилась в один поток. Кусты везде очень густые, мы часто встречали их во множестве растущими в самой реке, что ещё более затрудняло плавание и говорило о беспечности, я бы сказал, и лени местных жителей. Им никогда не приходит в голову выкорчевать их и таким образом сделать проход по реке более лёгким.

Различные виды водоплавающих птиц, такие как утки, чибисы, гуси, нырки и другие, водятся на этой реке, поверхность которой иногда сплошь покрыта ими, но подойти к ним достаточно близко для выстрела трудно. Крупной дичи, как мне показалось, не такой уж много. Если бы не следы медведей и полусъеденная рыба, которые постоянно попадались нам на глаза, я бы подумал, что мне, по крайней мере, сильно преувеличивали, рассказывая о множестве этих животных; мы не смогли заметить ни одного из них, но мы видели множество орлов, сорок, воронов, несколько куропаток и горноста, прогуливающегося по берегу.

С наступлением ночи господин Козлов справедливо рассудил, что на ночь благоразумнее будет остановиться, чтобы не столкнуться с препятствием, подобным тому, что уже помешало нашему плаванию. Мы не были знакомы с рекой, а в темноте малейшее происшествие могло стать для нас роковым. Эти соображения заставили нас провести ночь на правом берегу реки, у леса, недалеко от того места, где останавливался капитан Кинг со своим отрядом³¹. Приличных размеров костёр согрел и высушил всю нашу компанию. Г-н Козлов предусмотрительно погрузил на свой плот палатку, и, пока мы – весьма скоро – устанавливали её, с удовлетворением увидели, что прибыли два других плота, которые не поспевали за нами. Удовольствие, которое

³¹ Смотрите "Путешествие Кука", том III, стр. 208.

доставило нам это воссоединение, усталость, удобство палатки и наших постелей, которые мы, к счастью, захватили с собой, – все это способствовало тому, что мы провели ночь приятнейшим образом.

На следующий день мы собрались в дорогу рано и без помех. Через четыре часа мы прибыли в Апачи, но из-за мелководья не могли подплыть к самой деревне, а высадились примерно в четырёхстах ярдах и прошли это небольшое расстояние пешком.

Эта деревня показалась мне ещё меньше, чем предыдущие, в ней было на три-четыре жилища меньше. Она расположена на небольшой равнине, на берегу протоки реки Большой, а на другом берегу находится лес, который, скорее всего, был островом, образованным различными рукавами реки.

Кстати, я узнал, что острог Апачи, как и острог Начики, не всегда был там, где он находится сейчас. Через несколько лет после основания деревни жители перенесли свои дома в это место в поисках более удобного места для рыбной ловли. Расстояние нового острога от прежнего составляет, как мне сказали, около четырёх-пяти вёрст.

В Апачах не оказалось ничего интересного. Я прошёл по ним, и направился к нашим плотам, которые прошли мелководье и ждали нас в трех верстах ниже острога, в том месте, где протока реки, сделав петлю вокруг деревни, снова впадает в основное русло. Чем дальше мы продвигались, тем глубже и быстрее становилась река, так что ничто не мешало нашему плаванию до самого Большерецка, куда мы прибыли в семь часов вечера, сопровождаемые только одним из наших плотов, остальные не поспевали за нами.

Глава III

В Большерецке – Кораблекрушение охотского галиота – Деревенька Чекавка – Устье реки Большая – Страшный ураган – Описание Большерецка – Население – Мошенническая торговля казаков. – Коммерция в целом – Образ жизни жителей и камчадалов – Платье – Еда – Питьё – Коренные жители – О нравах жителей – Балы для дам – Камчадалские праздники и танцы – Охота на медведя – Охота и рыбная ловля – Нехватка лошадей – Собаки – Сани – Болезни – Колдуны-лекари – Крепкий организм женщин – Лекарство, подсказанное медведем – Религия и церкви – Налоги – Монеты – Жалованье солдатам – Правительство – Суды – Преемственность власти – Разводы – Наказания – Диалекты речи – Климат – Причина моего долгого пребывания в Большерецке.

Как только мы высадились, г-н Козлов проводил меня к себе, где любезно предоставил мне кров, который я занимал все время моего пребывания в Большерецке. Он не только снабдил меня всеми удобствами и развлечениями, которые были в его власти, но и снабдил всеми сведениями, которые могли меня интересовать и которые позволяла ему его служба. Его обходительность часто предвосхищала мои желания и вопросы, к тому же ему удавалось возбуждать моё любопытство, рассказывая обо всём, что, по его мнению, могло быть мне интересно. Именно с этой целью он предложил мне, почти сразу же по прибытии, осмотреть вместе с ним галиот из Охотска, который, к несчастью, только что потерпел крушение недалеко от Большерецка.

Ещё во время нашего плаванья по реке мы кое-что узнали об этом печальном событии. Говорили, что непогода, с которой галиот встретился при прибытии, заставила его бросить якорь на расстоянии лиги от берега, но, обнаружив, что якорь не держит, капитан не видел иного способа спасти груз, кроме как выброситься на мель у берега, поэтому он обрубил канаты, и судно было разбито.

При первом известии об этом жители Большерецка собрались, чтобы поспешить на помощь судну и спасти хотя бы провизию, которой оно было нагружено. Сразу же после нашего прибытия господин Козлов отдал все распоряжения, которые были необходимы, но, не удовлетворившись этим, сам отправился посмотреть, как они будут исполнены. Он пригласил меня сопровождать его, и я с радостью согласился, обещая себе большое удовольствие от возможности осмотреть устье реки Большая и её гавань.

Мы отправились в путь в одиннадцать часов утра на двух плотках, из которых один, тот, на котором плыли мы, состоял из трех лодок. Наши проводники пользовались вёслами, а иногда и шестами, которые позволяли им сопротивляться стремительному течению на перекатах, удерживая плот, который в противном случае нёсся бы слишком быстро и мог разбиться или перевернуться.

Река Быстрая, другая, ещё более крупная, чем река Большая, сливается с ней примерно в половине версты ниже Большерецка. Она теряет при этом свое имя и принимает название Большая. Благодаря этому слиянию река становится действительно очень большой и через тридцать вёрст впадает в море.

В семь часов вечера мы пристали к берегу у маленькой деревушки под названием Чекавка³². Две избы, два балагана и полуразрушенная юрта – вот и всё, что мне удалось раз-

³² Чекавка – бывший населённый пункт в устье р. Большой, на левом берегу, в самом начале гавани, которая, собственно, так и называлась: Чекавская гавань. Здесь выгружались товары, назначенные в Большерецк, было несколько жилых домов, склады и маяк для указания судам устья реки Большой. До 1850-х годов выход в море из гавани был прямо напротив устья реки. Затем выход обмелел, его занесло песком, и река нашла себе выход в море южнее – сперва в 8-15 км., а затем в 30 км., где и находится в настоящее время. – прим. перев.

глядеть. Был там и убогий деревянный «магазин», как здесь называют казённые склады, который и получает припасы, доставляемые судами из Охотска³³. Деревушка была построена для охраны этого склада. Мы провели ночь в одной из изб, решив рано утром добраться до места крушения.

На рассвете мы сели на наши плоты. Был отлив; мы шли вдоль сухой и очень длинной песчаной банки, налево от реки, на севере в ней был проход шириной всего в восемь или десять морских сажень³⁴ и глубиной в две с половиной. Ветер, дувший с северо-запада, внезапно поднял на реке волну, и мы не рискнули войти в пролив. Наши лодки были так малы, что каждой волной их захлёстывало едва ли не наполовину, так что два человека с трудом успевали вычерпывать воду. Поэтому мы продвинулись вдоль банки настолько, насколько только смогли.

Наконец мы увидели мачту галиота, он оказался примерно в двух верстах от нас, к югу от устья реки. Мы разглядели там маяк и хижину людей, оставленных охранять обломки, но, к сожалению, могли видеть всё это только на расстоянии. Маяк находился на левом берегу, а справа – продолжение низменной песчаной банки в юго-восточном направлении, пролив между ними был шириной в полверсты. Расстояние от деревушки Чекавки до выхода в море составляет от шести до восьми вёрст. Чем ближе мы подходили к выходу, тем быстрее становилось течение.

Продолжать наше путешествие не представлялось возможным; ветер становился все сильнее, а волны увеличивались с каждой минутой. Было бы верхом неосторожности покинуть песчаный берег и пересечь в такую непогоду и на таких ненадёжных лодках две версты глубокой воды, которая составляет ширину залива, образованного в устье реки. Комендант, который уже удостоверился в моих познаниях в мореплавании, весьма, впрочем, скромных, посоветовался со мной по этому поводу. Мой совет состоял в том, чтобы немедленно повернуть назад и вернуться в деревню, где мы ночевали, что и было тут же исполнено. И не зря: едва мы прибыли в Чекавку, как погода сделалась совершенно ужасной.

Я утешал себя мыслью, что, по крайней мере, добился своей цели – увидеть устье реки Большой. Я могу с уверенностью утверждать, что доступ к нему очень опасен и неосуществим для кораблей грузоподъёмностью в сто пятьдесят тонн и выше. Русские суда слишком часто терпят здесь крушения, чтобы закрывать на это глаза как мореплавателям, которые могут испытывать искушение посетить этот берег, так и их правительствам, которые могут их сюда послать.

Гавань, кроме того, не имеет никакого укрытия. Низменности, которыми она окружена, не защищают от ветров ни с какого направления. Берега реки очень изменчивы, и почти невозможно точно знать русло, которое постоянно меняет свое направление и глубину.

Остаток дня мы провели в Чекавке, не имея возможности ни проехать к потерпевшему кораблекрушению судну, ни вернуться в Большерецк. Всё небо ещё больше заволочло чёрными тучами. Сразу после нашего возвращения поднялась страшная буря, на реке началось такое сильное волнение, что волны докатывались до самой деревни. Это было удивительно, потому что река в этом месте не настолько широкая и глубокая. К северо-востоку от её устья низкий остров был единственной преградой для ветра, по нему с ужасным шумом перекатывались волны. Шторм не собирался утихать, но на берегу, думал я, он мне не опасен. Поэтому я решил поохотиться в окрестностях деревни. Но не успел я сделать и несколько шагов, как почувствовал, что ветер чуть не валит меня с ног; собрав всё своё мужество, я продолжал упорствовать,

³³ Когда эти галиоты вынуждены зимовать здесь, они укрываются в устье узкой и глубокой речки, впадающей в Большую примерно в пятидесяти шагах от деревни, выше по течению. [Река Чекавина (Шхачу), названная по имени ительмена Чекавы, впадает «в двух верстах от устья, с южной стороны из болот» (по С.Крашенинникову). Название её ныне исчезло с карт, но на старых картах она обозначена, как впадающая в р. Большую слева, напротив острова, который называется сейчас Пограничным. «Пятьдесят шагов от деревни» – преувеличение Лессепса. – *прим. перев.*]

³⁴ Фатом – 6 футов или 182 см.

но дойдя до ручья, который надо было пересечь на лодке, понял, какому риску подвергаюсь и немедленно повернул назад, ругая себя за мелочную самонадеянность. Такие ужасные ураганы нередки в это время года, поэтому неудивительно, что кораблекрушения так часты у этих берегов: суда обычно малы, имеют только одну мачту; и, что ещё хуже, моряки, которые ими управляют, как мне говорили, весьма неопытны.

На следующий день мы отправились в обратный путь и в вечерних сумерках прибыли в Большерецк.

Моё пребывание здесь, я чувствую, будет долгим из-за необходимости ждать, пока можно будет использовать сани, и я продолжу свои описания того, что я видел сам или узнал из бесед с русскими и камчадалами. Начну с города, или Большерецкого острога, ибо так он называется в России.

Он расположен на берегу реки Большой, на небольших островах, образованных несколькими протоками этой реки, которые делят город на три части, более или менее населённые. Самая отдалённая часть, находится на востоке – это своего рода предместье, называемое Паранчина³⁵; оно имеет десять или двенадцать изб. К юго-востоку от Паранчина находится средняя часть, где также есть несколько изб и деревянных хижин, которые служат для казённых магазинов. Возле них – караульное помещение, которое служит также канцелярией³⁶; этот дом больше остальных, и всегда охраняется часовым. За ещё одной узкой протокой на северо-западе, ближе к реке находится группа жилищ, построенных без всякого порядка и разбросанных тут и там. Река здесь протекает в пятидесяти ярдах от комендантского дома. Его легко отличить от остальных; он выше, больше и построен, как деревянные дома в Санкт-Петербурге. В двухстах ярдах к северо-востоку от этого дома находится церковь простой архитектуры, как и все деревенские церкви в России. Сбоку от неё колокольня – сооружение из брёвен высотой в двадцать футов, под крышей которого подвешены три колокола. К северо-западу от комендантского дома, отделённая от него болотистой луговиной шириной около трехсот ярдов, находится ещё одна группа жилищ, состоящая из двадцати пяти или тридцати изб и нескольких балаганов. Этих последних в Большерецке вообще очень мало, не более десяти; а избы и деревянные дома, не считая восьми лавок, канцелярии и комендантского дома, составляют числом пятьдесят или шестьдесят.

Из этого краткого описания Большерецкого острога покажется странным, что он имеет столь неподходящее название, ибо никаких следов укреплений я здесь не обнаружил и, по-видимому, ни у кого никогда не было намерения их возводить. Нынешнее состояние города и его порта наводят меня на мысль, что правительство поняло, что слишком много трудностей и опасностей существует для того, чтобы развивать и улучшать его в качестве главного торгового центра полуострова. Их взгляды, как я уже заметил, обращены теперь к Петропавловской гавани, которая по своей близости, безопасности и доступности заслуживает всякого предпочтения.

В Большерецке, тем не менее, есть такая степень цивилизации, которую я не ощущал в Петропавловске. Главное отличие первого от второго – это разумный подход к европейским манерам. Я постараюсь указать и объяснить это, когда продолжу свои наблюдения над жителями этих поселений, ибо моя главная цель состоит в том, чтобы подробно описать их занятия, обычаи, вкусы и развлечения, их пищу, ум, особенности характера и телосложение и, наконец, принципы правления, которым они подчиняются.

Население Большерецка, включая мужчин, женщин и детей, составляет от двухсот до трехсот человек. Среди этих жителей, считая унтер-офицеров, шестьдесят или семьдесят каза-

³⁵ Названо по имени камчадала Паранчина. – прим. перев.

³⁶ Это караульное помещение также используется в качестве тюрьмы и даже как школа для детей. Учитель школы –японец, он владеет многими языками и получает за обучение детей деньги от казны.

ков, которые заняты во всех работах, относящихся к службе правительству³⁷. Каждый по очереди стоит в карауле, они расчищают дороги, чинят мосты, разгружают провизию, присланную из Охотска, и перевозят её от устья реки до Большерецка. Остальные жители состоят из купцов и моряков.

Эти люди, русские и казаки, среди которых есть и их метисы³⁸, ведут негласную торговлю, то одним, то другим; она меняется от конъюнктуры, но всегда имеет целью обогатиться нечестными средствами. Их бизнес – сплошное мошенничество, оно употребляется исключительно на то, чтобы обманывать бедных камчадалов, чья доверчивость и непреодолимая склонность к пьянству отдаёт их всецело в руки этих изворотливых мошенников. Подобно нашим шарлатанам и другим плутам такого рода, они ходят из деревни в деревню, соблазняя самых глупых туземцев: они предлагают им купить водку, перед этим коварно позволяя её попробовать. Камчадалу, будь то мужчина или женщина, почти невозможно отказаться от такого предложения. За первой пробой следуют другие, они быстро пьянеют, и ремесло искусителей достигает своей цели. Теперь эти воришки знают, как получить от них в обмен самое ценное, что у них есть, то есть весь запас мехов, часто плоды труда целого сезона, который должен дать им возможность заплатить налог казне и обеспечить, возможно, пропитание для всей семьи. Но ничего не может остановить камчадальского пьяницу, всё забывается, всё приносится в жертву удовлетворению его страсти, и мимолётное удовольствие проглотить несколько рюмок спиртного³⁹ доводит его до крайней нищеты. Даже самый болезненный опыт не может заставить их остерегаться собственной слабости и коварного вероломства этих торговцев, которые, в свою очередь, точно так же пропивают всю прибыль от своего плутовства.

Я закончу о торговле, прибавив, что лица, занимающиеся в основном оптовой торговлей, являются лишь агентами купцов из Тотмы, Вологды, Великого Устюга и городов Сибири или же агентами других богатых торговцев, распространяющих свою деятельность на эту далёкую окраину. Экспортная торговля ограничена мехами и осуществляется главным образом теми же купцами.

Все товары и провизия, которые продаются в казённых магазинах, стоят чрезвычайно дорого, примерно в десять раз дороже, чем в Москве. Ведро французского бренди стоит восемьдесят рублей. Купцам разрешается торговать этим товаром; но водка, перегнанная из зерна, привезённого из Охотска, и произведённая в деревне из «сладкой травы», продаются по казённой цене в сорок один рубль девяносто шесть копеек ведро. Её могут продавать только в кабаках, открытых для этой цели. В Охотске цена водки, перегнанной из зерна, составляет не более восемнадцати рублей ведро; так что расходы на фрахт взимаются в двадцать три рубля девяносто шесть копеек, что кажется непомерным и позволяет нам составить некоторое представление о получаемой прибыли.

Остальная часть товара состоит из нанки и других китайских товаров, а также всяких товаров российского и иностранного производства, таких как ленты, носовые платки, чулки, шапки, башмаки, сапоги и другие предметы европейской одежды, которые можно считать

³⁷ Их жалованье столь ничтожно, что то, что они получают за год, не хватило бы даже на существование в течение месяца, если бы они не зарабатывали мелкой мошеннической торговлей, о которой я сейчас расскажу.

³⁸ Автор, очевидно, считает казаков отдельной национальностью. – *прим. перев.*

³⁹ Это, как известно, является господствующей страстью всех народов Севера, но мне не раз приходилось наблюдать, что камчадалы не уступают в этом отношении никому из них. Среди прочего мне рассказали следующую историю, чтобы я мог судить о жадности этих бродячих обманщиков и о глупой расточительности их жертв: Камчадал отдал соболя за стакан водки. Распалённый желанием выпить ещё, он пригласил продавца в свой дом. Купец поблагодарил, но сказал, что торопится. Камчадал продолжает свои просьбы и предлагает вторую сделку: «Ну-ка, стакан за этого соболя, он ещё лучше первого! – Нет, я должен оставить себе водки; я обещал её в другом месте, и мне надо идти. – Погоди-погоди, вот два соболя! – Нет-нет, не могу! – Ну, пойдём, я добавлю ещё! – Ну, ладно, договорились, пей!» Между тем три соболя проданы, и лицемер снова делает вид, что уходит; хозяин удваивает свои просьбы, чтобы удержать его, и требует третью рюмку; новые отказы и новые предложения: чем выше торговец поднимает свою цену, тем больше камчадал расточает свои меха. Кто бы мог подумать, что все кончится жертвоприношением семи прекраснейших соболей за этот последний стакан! Они были всем, что у него было...

предметами роскоши по сравнению с крайней простотой камчадальской одежды. Среди привозных продуктов сахар, чай, немного кофе, совсем немного вина, печенье, конфеты и сухофрукты, такие как чернослив, изюм и т.д. И, наконец, свечи, как восковые, так и сальные, порох, дробь и тому подобное.

Нехватка всех этих предметов в столь отдалённой провинции и потребность, естественная или искусственная, которая существует в них, позволяют купцам продавать их по любой непомерной цене, которую может придумать их жадность. Обычно, их выставляют на продажу почти сразу же по прибытии. Купцы держат лавки в домиках напротив караульного помещения. Эти лавки открыты каждый день, кроме праздничных.

Жители Большерецка не отличаются от камчадалов своим образом жизни; правда, у них мало балаганов, и дома их несколько чище.

Их одежда такая же. Верхняя, называемая парка, подобна рубашам наших возчиков и сшита из шкур оленей⁴⁰ или других животных, окрашенных с одной стороны. Под этим они носят длинные штаны из такой же кожи, а на теле – очень короткую обтягивающую рубашку, нанковую, или из другого хлопчатобумажного материала; женщины – из шёлка, что среди них считается роскошью. Оба пола носят сапоги; летом – из козьих или собачьих шкур, а зимой – из тюленьих или из шкур с ног оленя⁴¹. Мужчины постоянно носят меховые шапки; в тёплое время года они надевают длинные рубашки из нанки или выделанной кожи без меха; они сшиты так же, как и парки, и отвечают той же цели, то есть надеваются поверх других одежд. Их праздничная одежда – это платье, отделанное мехом выдр, бархатом или другими столь же дорогими вещами и мехами. Женщины одеты так же, как русские женщины, чья манера одеваться слишком хорошо известна, чтобы нуждаться в описании. Я только замечу, что чрезмерная скудость всякого рода вещей на Камчатке делает женский туалет предметом весьма значительных расходов, и они иногда перенимают одежду у мужчин.

Основная пища этих людей состоит, как я уже писал, из сушёной рыбы. Рыбу добывают мужчины, в то время как женщины заняты домашними делами или сбором ягод и других растений, которые, наряду с сушёной рыбой, являются излюбленной пищей камчадалов и русских этого края. Когда женщины выходят, чтобы собрать урожай на зиму, у это них большой праздник, и отмечается он с бурной и неводержанной радостью, которая часто приводит к самым экстравагантным и нескромным происшествиям. Они толпами расходятся по местности, распевая песни и предаваясь всяким нелепостям, которые только подсказывает их воображение, и никакие соображения боязни или приличия не могут их удержать. Я не могу описать их распутное безумие лучше, чем сравнив его с вакханалиями язычников. Плохо будет мужчине, который случайно попадётся им в руки, даже если он будет силен и ловок! Тут уж не избежать ему насилия!

Свою пищу они готовят следующим образом, из которого видно, что их нельзя заподозрить в изысканных манерах. При разделке рыбы у них ничего не пропадает. У свежепойманной рыбы они вырывают жабры и тут же сосут их с огромным удовольствием. С таким же изощренным плотоядным чревоугодием они отрезают от рыбы куски и жадно поедают их, пачкаясь в крови. Затем рыбу потрошат, а внутренности бросают собакам. Остальное сушится или готовится: варится, жарится или печётся, но чаще всего поедается сырым.

Еда, которая больше всего ценится местными гурманами, и которая показалась мне особенно мерзкой, является одним из видов лосося, называемый «чавыча». Как только он пойман, его закапывают в яму и оставляют так до тех пор, пока он не прокиснет или, собственно говоря, совершенно не испортится. Только в состоянии такого разложения он приобретает вкус, наиболее приятный для утончённого вкуса этих людей! По-моему, отвратительный запах, который

⁴⁰ Предметы одежды из шкур северных оленей покупаются у коряков.

⁴¹ На Камчатке эти сапоги называются «торбаса».

источает эта рыба, может обратить в бегство самое голодное существо на свете, но камчадал питается этой гнилой плотью с каким-то сладострастием! Особенно счастливым он чувствует себя, когда ему попадается голова! Это считается самым вкусным, и обычно распределяется на несколько сотрапезников. Мне часто хотелось побороть отвращение и отведать эту столь ценимую пищу, но я так и не смог решиться на это; я не только не мог её попробовать, но даже поднести ко рту, всякий раз, когда я пытался, зловоние, который она испускала, вызывало у меня тошноту и непреодолимое отвращение.

Самая распространённая рыба на Камчатке – форель и лосось разных видов; едят также зубатку, жир этой рыбы очень полезен, а также служит в качестве лампового масла.

Среди растений, которые камчадалы используют в пищу, главными являются корень саранки, дикий чеснок, «сладкая трава», и другие растения и плоды, почти такие же, что встречаются в России.

Саранка известна ботаникам под латинским названием «*Lilium flore atrorubente*». Его форма, размеры и цвет были подробно описаны в третьем путешествии капитана Кука⁴². Её мучнистый корень служит вместо хлеба⁴³. Обычно её сушат перед употреблением, но она полезна и питательна при любом другом способе приготовления.

Дикий чеснок⁴⁴ заквашивают и получают острый напиток, который имеет очень неприятный вкус, его также используют в различных соусах, камчадалы очень любят его.

«Сладкая трава» достаточно приятна, когда она свежая. Это растение также было подробно описано англичанами⁴⁵. Оно высоко ценится туземцами, особенно алкоголь, дистиллированный из него. После сбора его разрезают его вдоль и выскребают сердцевину половинкой речной раковины; затем сушат его на зиму, а когда используют в блюдах, его предварительно варят. Из этой «сладкой травы» также гонят спиртное, которое, как я заметил ранее, продаётся в казённых магазинах: для этой цели растение покупается у камчадалов⁴⁶.

Жителей Камчатки три вида: туземцы-камчадалы, русские и казаки, а также их потомки от смешанных браков.

Туземцев, то есть тех, чья кровь не смешана, мало, три четверти их умерли от оспы, а те немногие, что остались, рассеяны по разным острогам полуострова. В Большерецке их не более одного или двух.

Коренные камчадалы, как правило, ниже среднего роста; они округлы и приземисты, глаза маленькие и впалые, щеки выпуклые, нос плоский, волосы чёрные, у них почти нет бород, а цвет лица немного смуглый. Женщин похожи на мужчин чертами и цветом лица; из чего можно заключить, что они не очень соблазнительны.

Характер у камчадалов мягкий и радушный, они не лжецы и не вороваты, они очень доверчивы, и нет ничего легче, чем обмануть их, это мы видели на примере как наживаются на их слабости к спиртному. Они живут вместе в полной гармонии, вероятно от того, что их

⁴² На Камчатке издавна употребляли в пищу два растения рода лилейных: Лилия кудреватая, саранка (*Lilium martagon*) и Рябчик камчатский (*Fritillaria camschatcensis*). Судя по упомянутому описанию у Кука, это именно Рябчик камчатский: «один цветок, чрезвычайно темно-красного цвета, по форме напоминающий цветок нарцисса» и т.п. – прим. перев.

⁴³ Казаки выращивают также рожь, из которой пекут чёрный хлеб, как у русских крестьян. Правительство даёт им некоторое количество ржаной муки, но ее недостаточно, и они вынуждены закупать ещё за свой счёт. Некоторые из них откладывают её в запас, чтобы получить прибыль от будущей продажи.

⁴⁴ На Камчатке он называется *черемша*.

⁴⁵ *Spondilium foliolis pinnatifidis*. Сок кожуры этого растения настолько едкий, что к нему невозможно прикоснуться без образования волдырей на руке. Собирая его, надо одевать перчатки. [Правильно: *Heracleum (Sphondylium) foliolis pinnatis*, или Борщевик обыкновенный – встречается повсеместно, в т.ч. и во Франции, поэтому был хорошо известен автору. У Кука (*"Cook's Voyage to the Pacific Ocean"*, Chap. VI) это растение описано как *Heracleum Sibericum* – Борщевик сибирский. – прим. перев.]

⁴⁶ Этот напиток опьяняет гораздо быстрее французского бренди; кто бы его ни выпил, он непременно будет чрезвычайно возбуждён ночью, а на следующий день будет чувствовать себя настолько подавленным и беспокойным, как будто совершил какое-нибудь преступление. [Способ приготовления из борщевика самогона см. в приложении. – прим. перев.]

немного. Они всегда готовы оказывать помощь друг другу, в этом проявляется их стремление услужить, хотя по природе своей они очень ленивы. Деятельная жизнь была бы для них невыносима, а самое большое, по их мнению, счастье, исключая пьянство – это ничего не делать и вечно жить в спокойной праздности. Дело доходит до того, что они часто ленятся обеспечивать себя самым необходимым для жизни, и голодают целыми семьями, потому что не берут на себя труд обеспечить летом запас рыбы, без которой они не могут прожить зиму. Если они пренебрегают таким образом сохранением своего существования, то не думайте, что они обращают больше внимания на чистоту; она не проявляется ни в них самих, ни в их жилищах, и их можно справедливо упрекнуть в том, что они склонны к крайностям. Несмотря на эту беззаботность и другие естественные недостатки, достойно сожаления то, что они малочисленны; поскольку, судя по тому, что я видел и что было подтверждено мне разными людьми, если мы хотим найти в этой стране образцы чести и человечности, то следует искать их среди камчадалов – они ещё не обменяли свои простодушные добродетели на блестящие пороки европейцев, посланных принести им цивилизацию.

Именно в Большерецке я начал ощущать последствия этого влияния. Я видел следы европейских нравов не столько в кровосмешении, в чертах лиц и языке жителей, сколько в их склонностях и образе жизни, которые не всегда являют собой эталон добродетели. Это поразительное различие между поселенцами и туземцами проистекает, по моему мнению, из трудностей, лежащих на пути к цивилизации, и я приведу свои на то доводы.

Большерецк не так давно был главным городом Камчатки, тем более что коменданты сочли нужным основать там свою резиденцию. Начальники и их свиты принесли с собой европейские знания и манеры, а они, как известно, обычно изменяются при передаче, в зависимости от расстояния от источника. Между тем следует полагать, что русское правительство старалось, по возможности, доверять свои полномочия и исполнение приказов только офицерам с признанными заслугами, насколько я могу судить по тем, кто работает в настоящее время. Поэтому можно предположить, что эти офицеры в местах своего проживания были образцами многочисленных добродетелей, знаний и прочих достойных уважения качеств цивилизованных наций. Но, к сожалению, уроки, которые они давали, не всегда оказывались столь действительными, как можно было бы ожидать; то ли потому, что они были только попытками и не были достаточно осознаны, то ли потому, что не были усвоены во всём своём совершенстве, а производили лишь мимолётные или, может быть, порочные впечатления на умы туземцев.

Эти реформаторы также не нашли достойного рвения ни у казаков, составлявших гарнизон, ни у купцов и других русских, осевших на полуострове. Склонность к распущенности и стремление к наживе, которые первые завоеватели почти всегда приносят с собой, а также постоянное усугубление этих качеств благодаря лёгкости, с которой туземцы могут быть обмануты, тормозили реформы. Губительная зараза ещё более распространялась со смешанными браками, в то время как семя социальных добродетелей, которое пытались посеять, давало едва заметные всходы.

Следствием этого было то, что туземцы, т.е. коренные камчадалы, сохранили почти повсеместно свою невежественную простоту и примитивные нравы, и то, что часть остальных жителей, русских и метисов, поселившихся в острогах, где живёт начальство, всё ещё сохраняют зачатки европейских нравов, но не самых лучших. Мы уже имели этому свидетельство в том, что было сказано об их принципах в торговле, и моё убеждение укрепилось во время пребывания в Большерецке благодаря более пристальному наблюдению за жителями, которые, за исключением этой малости, мало чем отличаются от туземцев.

Господин Козлов и его окружение, подражающее его примеру, часто устраивают развлечения и танцы для дам этого острога, и они принимают приглашения с одинаковой готовностью и радостью. Мне представилась возможность убедиться, что всё сказанное мною было правдой, что эти женщины, как камчадалки, так и русские, имеют заметную склонность к удо-

вольствиям; их желание так велико, что они не в состоянии скрыть его. Скороспелость девушек поразительна, и, кажется, на неё совсем не влияет холодность климата.

Что касается большевецких женщин, посещающих эти собрания и принадлежавших, главным образом, к метисам или имеющих русских родителей, то их внешность не казалась мне неприятной, я заметил некоторых, которых можно было бы считать красивыми; но свежесть их недолговечна; от деторождений и ежедневных трудов она угасает почти в расцвете их лет. У них чрезвычайно весёлый нрав, может быть, даже немного в ущерб приличиям. Они стараются развлечь общество всем, что даёт их весёлость и игривость. Они любят петь, их голоса звонки и приятны; хотелось бы только, чтобы их музыка больше походила на нашу. Они говорят как на русском, так и на камчадалском, но все с акцентом последнего. Я не ожидал увидеть в этой части света польские танцы, а ещё меньше – деревенские пляски в английском стиле; но каково было моё удивление, когда я обнаружил, что они танцуют некое подобие менуэта! То ли моё пребывание в течение двадцати шести месяцев в море сделало меня менее привередливым, то ли воспоминания, которые они оживляли, заморозили меня, но эти танцы, мне показалось, исполнялись с достаточной точностью и большим изяществом, чем я мог себе представить. Танцоры, о которых мы говорим, настолько горделивы, что презирают песни и танцы туземцев. Туалеты женщин в этих случаях является предметом их особого внимания. Они выставляют себя напоказ во всём самом красивом и дорогом. Эти праздничные и танцевальные платья в основном из шелка; и ранее мы уже видели, что они должны быть весьма дорогими. Я закончу этот рассказ наблюдением, которое я имел случай сделать как на этих, так и на камчадалских танцах: дело в том, что большинство мужей, как русских, так и туземцев, не подвержены ревности; они закрывают глаза на поведение своих жён и весьма им послушны.

Танцы и развлечения туземных камчадалов, на которых я также присутствовал, представляют собой зрелище, столь же достойное внимания своей необычностью. Не знаю, что поразило меня больше – песни или танцы. Танцы показались мне дикарскими. Они состоят в том, чтобы делать повторяющиеся и весьма неприятные судорожные движения, и в то же время издавать натужные гортанные звуки, подобные приступам икоты, время от времени хором оглашая воздух пением, слова которого часто лишены смысла, даже на камчадалском. Я записал одну из этих песен, которую я вставлю в этом месте, чтобы дать представление об их музыке и ритме.

Что означает: «Дарья, Дарья поёт и танцует до сих пор». Эти слова повторяются, не переставая.

В своих танцах они любят подражать различным животным, на которых они охотятся, таким как куропатка и другие, но главным образом медведю. Они представляют его медлительную и неловкую походку, его чувства и различные сцены: вот медвежата со своей мате-

рю, вот любовные игры самца с самкой, и, наконец, как он встревожен, когда его преследуют. Видно, что они тщательно наблюдают за этим животным и знают его в совершенстве, так как имитируют все его движения настолько точно, насколько это возможно. Я спрашивал русских, которые были большими знатоками, чем я, так как часто присутствовали при охоте на этих животных, хорошо ли исполнялись их пантомимы; и они уверили меня, что эти танцы – лучшие на Камчатке и что звуки, походка и различные позы медведя были точно такие, как у настоящего. Между тем, не в обиду любителям будет сказано, эти танцы, на мой взгляд, не менее утомительны для зрителей, чем для исполнителей. Это настоящая му́ка – видеть, как они выворачивают бедра, вывихивают свои конечности и напрягают лёгкие, чтобы выразить удовольствие, которое они получают от этих странных танцев, которые, повторяю, напоминают нелепые развлечения дикарей: камчадалы действительно могут во многих отношениях считаться таковыми.

Рассказав о ловкости, с которым эти люди изображают позы и движения медведя, которого можно назвать их учителем танцев, будет не лишним рассказать, каким образом они охотятся на это животное. Есть несколько способов. Иногда они ставят для него ловушку: под тяжёлым бревном, один конец которого поддерживается в воздухе высокими жердями, помещают какую-нибудь приманку, и как только он учует и увидит её, он с жадностью набрасывается на неё, задевает подпорку бревна – и оно падает ему на голову, наказывая за ненасытность. Проходя по лесу, я видел медведей, пойманных таким образом. Такая ловушка остаётся наживлённой до тех пор, пока медведь не попадётся, чего иногда не случается целый год. Этот способ добычи не требует большой смелости и труда; но есть другой, очень здесь распространённый, для которого необходимы и сила, и мужество. Камчадал выходит один или с кем-нибудь, чтобы выследить медведя. У него нет другого оружия, кроме ружья, своего рода карабина с очень маленьким прикладом, копы и ножа. С собой берётся запас провизии – штук двадцать рыб. Таким образом, легко экипированный, он может проникнуть в любое место, которое может быть убежищем животного, даже в самую чащу леса. Камчадал выбирает место, обычно где-нибудь в зарослях шиповника или среди камышей на берегу озера или реки, и терпеливо ожидает, когда появится его противник; если понадобится, он будет оставаться в засаде целую неделю, пока не придёт медведь. Когда зверь оказывается на расстоянии выстрела, он кладёт ружьё на воткнутую в землю подпорку⁴⁷, с помощью которой он увереннее прицеливается и стреляет. Обычно он попадает медведю в голову или в плечо – самые чувствительные части его тела. Но тут он должен быстро перезарядить ружьё, так как медведь, если первый выстрел не свалил его, бросается на охотника⁴⁸, у которого не всегда есть время для второго выстрела. Тогда он прибегает к своему копы, чтобы сразиться с нападающим зверем. Его жизнь будет в серьёзной опасности⁴⁹, если он сразу не нанесёт медведю смертельного удара; и можно предположить, что из такой битвы человек не всегда выходит победителем, но это не мешает жителям этих мест ежедневно подвергать свои жизни опасности. Частые случаи смерти своих соплеменников не оказывают на них никакого воздействия. Конечно, они никогда не идут на это, не подумав, что это либо победа, либо смерть, но эта суровая альтернатива не останавливает и не страшит их⁵⁰.

⁴⁷ Камчадалы не могут стрелять без этой подпорки для ружья, и это требует слишком много времени на подготовку к выстрелу, что является главным недостатком для такой охоты, требующей быстроты.

⁴⁸ Довольно часто он также обращается в бегство, несмотря на свою рану, и прячется в зарослях или камышах, где его выслеживают по кровавому следу и находят либо мёртвым, либо умирающим.

⁴⁹ Меня уверяли, что когда медведь одерживает победу над своим противником, он срывает ему кожу с черепа, натягивает её на лицо и оставляет так. Таков его способ мести, который подразумевает, по словам камчадалов, что это животное не может выносить человеческого взгляда; и это странное предубеждение поддерживает их в мнении об их превосходстве и, кажется, вдохновляет их на ещё большую храбрость.

⁵⁰ Они охотятся на медведя таким способом в любое время года, за исключением времени, когда лежит снег; тогда их метод отличается. Известно, что зимой медведь ложится в берлогу, которую он соорудил летом из ветвей деревьев; он остаётся там

Почти таким же образом они охотятся и на других животных, как, например, на оленя, архара или дикого барана, лисиц, выдр, бобров, соболей, зайцев и т. д. Охотиться на них, конечно, не так опасно. Иногда для этого используются ловушки, сделанные из дерева или железа, меньшими, чем те, которые ставятся для медведей, и напоминающими по своей простоте наши ловушки; они не требуют никакой особой заботы, кроме проверки их время от времени. Камчадалы иногда подолгу сидят в засаде с ружьём, и только трудность, которую они испытывают, заключается в том, что им не всегда хватает запаса еды, если охота затягивается. Приходится терпеть голод в течение многих дней и не оставлять свой пост до тех пор, пока не появится добыча – и тут они щедро вознаграждают себя за воздержание, немедленно поедая мясо животных⁵¹ и с удовольствием пересчитывая добытые шкуры.

Они выбирают для своей охоты время года, когда мех животного находится в своем наилучшем состоянии. На соболей охотятся в начале зимы. Это лесные зверьки, и потому называются по именам деревьев в зависимости от цвета подшёрстка: светлые называются берёзовыми, темнее – еловыми и т. д.

Наиболее благоприятные сезоны для охоты на лис – это осень, зима и весна. Их четыре вида. 1. Светло-рыжая лиса, которая ценится меньше всего. 2. Рыжая или ярко-рыжая лиса. 3. Лиса по названию сиводушка, окраска которой представляет собой смесь красного, чёрного и серого цветов. 4. Чёрная лиса – самая редкая и самая ценная: она действительно глубокого и совершенно чёрного цвета, за исключением того, что на кончиках меха на спине, где он самый длинный, иногда заметен серый оттенок. Есть ещё два вида лисицы, которые можно к ним отнести, хотя они таковыми здесь не считаются, Это голубая и белая лисицы. Они называются в России голубой песец и белый песец; их мех гуще, чем у других видов. Лисицы этого континента вообще красивее тех, что ловятся в разных островах Северо-Востока⁵², и имеют гораздо более высокую цену.

Зимой охотятся на северных оленей, а осенью – на архаров. Выдры здесь чрезвычайно редки, но горностаев водится великое множество, хотя, я не знаю, по какой причине, никто не охотится на их; можно предположить, что они не представляют никакой ценности.

Для рыбалки у камчадалов также есть разные сезоны. Для лосося и форели он приходится на июнь, сезон сельди – на май, а сезон зубатки – на весну и лето, но главным образом на осень.

Они редко пользуются неводами, а почти всегда обычными сетями⁵³. Также используют своего рода гарпун, которым владеют с большой ловкостью. Неводами ловят только зубаток; они сделаны из кожаных ремней, а ячейки очень большие. У них есть другой способ ловли рыбы: они перегораживают реку кольями и ветками, оставляя только один или несколько узких проходов для рыбы, куда помещают корзины, сделанные таким образом, что, если рыба войдёт в них, то уже не может выйти.

Лошадей в Камчатке очень мало. Я видел нескольких в Большерецке, принадлежащих правительству и вверенных заботам казаков. Они в основном служат в летнее время для перевозки товаров и других казённых вещей, а также для путешественников.

Однако собак в этой стране предостаточно, и они настолько полезны камчадалам, что отсутствие других домашних животных для них не так важно. Они служат для всевозможных

до весны, и либо спит, либо облизывает лапы [Так в тексте! По-видимому, это отголоски народной байки о том, что «медведь в берлоге лапу сосёт». – прим. перев.]. Камчадалы его выслеживают и нападают на него со своими собаками, которые заставляют его обороняться: он бросается из своего укрытия на верную смерть, а если он откажется выйти, его судьба будет столь же печальна – он будет раздавлен насмерть под развалинами своего логова.

⁵¹ Мясо медведей, архаров и северных оленей считается ими очень полезным, особенно последнее; я часто ел его.

⁵² Например, Алеутские острова, острова Шумагина, Лисьи острова и др.

⁵³ Их сети сделаны из толстых нитей, как и наши, они покупают их у русских. Есть, однако, и другой вид, который они изготавливают сами из крапивы, которую они заготавливают впрок. Собирают осенью, связывают в пучки и развешивают сушиться под балаганы. Сети вяжут, когда закончен сезон рыбалки и сбор урожая. Стебли разрезают вдоль, и ловко очищают зубами, затем бьют и мнут, пока не отделятся волокна, пригодные для прядения нити.

перевозок, их кормление не составляет особого труда или затрат, их пища состоит исключительно из субпродуктов или уже такой разложившейся рыбы, которую не станут есть их хозяйки; и даже это им редко дают, только по необходимости. Летом, когда они отдыхают, о них вообще мало заботятся, собаки сами хорошо знают, как прокормиться в лесу или на берегах рек и озер, и обязательность, с которой они возвращаются домой, является одним из самых ярких доказательств верности этих животных. С наступлением зимы наступает время платить за свободу и временный покой, которыми они наслаждались. Начинается тяжкий труд, для которого собакам необходима чрезвычайная сила и выносливость. Между тем они не особенно велики и очень похожи на наших горных собак, или таких, каких обычно используют пастухи. У любого жителя, будь то русский или туземец, их не меньше пяти. Они пользуются ими для путешествий, когда ездят в леса рубить дрова, для перевозки людей, вещей, провизии и всего прочего. И делают это не хуже лошадей. Собаки запрягаются в сани парами⁵⁴, с одним вожакom впереди. Эта честь предоставляется самой умной и дрессированной собаке, и она прекрасно понимает команды, используемые каюром для управления упряжкой. Крик «тагтаг, тагтаг» поворачивает её направо, а «куха, куха» – налево; умное животное тотчас же понимает его и подаёт пример остальным, «ах, ах!» – останавливает их, а по команде «ха!» они пускаются в путь. Количество собак, которых необходимо запрячь, зависит от груза; когда он немного больше веса человека, который садится на сани, они называются просто санками, и упряжка состоит из четырёх или пяти собак. Сани для груза называются нартами и запряжены десятью собаками. Упряжь называется «алаки» и сделана из кожи. На каждом «скакуне» она надета на шею, проходит по груди и соединяется с центральным поводом ремнём длиной в три фута, ошейники часто украшаются медвежьей шкурой.

По форме сани похожи на продолговатую корзину, оба конца которой загнуты вверх. Их длина составляет около трех футов, а ширина едва превышает фут. Эта корзина, составляющая корпус саней, сделана из очень тонкого дерева, борта плетёные и украшены разноцветными ремешками. Сиденье возницы покрыто медвежьей шкурой и приподнято на три фута над землёй на четырёх расходящихся к низу ногах, прикрепленных к двум параллельным полозьям шириной в три-четыре дюйма. Полозья не толстые, но длинные и выходят впереди за пределы корпуса саней, которому они служат опорами и коньками. Для этой цели снизу к ним прикреплены кожаными ремнями длинные куски китовой кости. Впереди полозья изгибаются вверх и соединяются с продольными шестами саней, в этой части также размещается багаж. Передняя часть саней украшена бахромой из полосок кожи. У каюра в руке нет ничего, кроме изогнутой палки, называемой остолом, которая служит ему и рулём, и хлыстом. На одном конце остола подвешены железные кольца, как для украшения, так и для того, чтобы подгонять собак звоном, который издают эти кольца; другой конец иногда снабжён острым железным концом, чтобы лучше держаться на льду, и в то же время для управления упряжкой. Собакам, которые хорошо обучены, не надо слышать голос каюра; если он ударит остолом по льду, они повернут влево; если ударит по саням – вправо, а когда он захочет, чтобы они остановились, ему нужно будет только воткнуть остол в снег перед санями. Если собаки замедляют свой шаг и становятся невнимательными к сигналам или к его голосу, он бросает в них свою палку; но тогда ему необходимо действовать очень умело, чтобы подхватить её вновь, так как сани могут быстро понестись вперёд. Это одно из самых сильных испытаний мастерства каюра. Камчадалы исключительно искусны в этом деле. Я вообще был поражён ловкостью, с которой они управляли своими санями, и так как мне вскоре предстояло испытать счастье путешествовать таким

⁵⁴ Они кастрированы, как лошади, но способ выполнения операции отличается. Камчадалы не вырезают яички, а раздавливают их, и орудием, которым они пользуются, являются их зубы. Некоторые из них не выживают, другие становятся калеки и непригодными к работе. Считается, что если оставлять их в их естественном состоянии, они будут работать по-разному, и их будет практически невозможно запрягать в паре с самками. Не все самцы, однако, кастрируются, достаточное их количество оставляют для размножения, и они часто используются для охоты.

способом, то я решил, что мне следует не только привыкнуть к этому, но и научиться самому быть каюром. Напрасно они рассказывали мне про риск, которому я подвергнусь, оказавшись один в саних прежде, чем приобрету достаточную сноровку в управлении собаками; ведь в моём возрасте мы все самоуверенны и не прислушиваемся к добрым советам! Лёгкость моего экипажа, едва превышавшего десять фунтов, его приличная высота, делавшая его склонным к опрокидыванию, трудность сохранения равновесия и, короче говоря, все последствия, которые могли бы последовать за падением, если бы я потерял устойчивость саней – все эти соображения, открывшиеся мне, не могли ни утратить, ни отговорить меня от столь опасного ученичества⁵⁵. Однажды я сам сел в свой новый экипаж, согласившись, впрочем, чтобы меня сопровождали несколько саней. В тот же миг, как мы тронулись, всем стало ясно, что их прогнозы сбылись. Я проехал совсем немного, как тут же опрокинулся. Едва снова вскочив на сани, я повторил номер и вызвал новый взрыв смеха. Несмотря на это, я не потерял решительности и быстро пришёл в себя, но только для того, чтобы снова так же быстро опрокинуться. Но я всё же решил, что это всё от моей неопытности, и я постепенно привыкну. Я упал на первом уроке семь раз, не получив, впрочем, никакого увечья, и с ещё большим рвением взял второй урок, потом третий и четвёртый, и не проходило и дня, чтобы я не делал каких-нибудь успехов. Число моих падений уменьшалось по мере того, как я приобретал всё больше знаний и навыков, а мои успехи сделали меня таким любителем этих упражнений, что за короткое время я приобрёл некоторую известность. Однако, научиться сохранять равновесие стоило мне немалых усилий. Тело при езде находится как бы в постоянном движении. Здесь надо наклониться вправо, потому что сани наклоняются влево, тут я должен быстро повернуться влево, потому что они накренились вправо, в следующий момент, возможно, надо держаться прямо, а если чуть помедлить или отвлечься, то это редко остаётся без последствий в виде опрокидывания. При падении всё же необходимо не выпасть из саней, а держаться за них как можно сильнее, чтобы создать достаточное сопротивление собакам, которые, как я уже сказал, в противном случае будут бежать на полной скорости. Основной способ сидеть в саних – боком, как женщины ездят на лошадях; можно также сидеть верхом; но главная трудность, и в то же время вершина ловкости и грациозности заключается в том, чтобы стоять на одной ноге: одно удовольствие смотреть на истинного мастера в этой великолепной позе!

Что касается меня, то, как только я научился управлять собачьей упряжкой, так отказался от всех других видов транспорта. Я брал кого-нибудь в попутчики и иногда просто катался, а иногда отправлялся на охоту. На снегу было столько следов зайцев и куропаток, что он казался дырявым, как решето⁵⁶. Снег в лесу часто был так глубок, что невозможно было сделать и шага, чтобы не провалиться; в этом случае нам оставалось только оставить сани, которые уже не могли служить нам, и перевернуть их на бок. Приняв эту меру предосторожности, достаточную для того, чтобы удержать наших собак, которые тотчас же ложились на снег и терпеливо ждали нашего возвращения, мы привязывали к ногам так называемые «лыжи», сделанные из тонких досочек шириной в шесть-восемь дюймов и длиной в четыре фута, передняя часть которых была загнута вверх, как коньки, а нижняя сторона покрыта шкурой тюленя или северного оленя⁵⁷. В такой «обуви» мы продолжали нашу охоту. Сначала мне было трудно привыкнуть к ней, и я несколько раз падал то на спину, то лицом вперёд; но удовольствие от хорошей охоты заставляло меня скоро забыть об этих неудобствах. Хотя трудно было различить

⁵⁵ Собаки, чувствуя, что их ноша стала легче, бегут с такой скоростью, что часто не останавливаются, пока не изнемогают от усталости, или вдребезги разбивают сани о деревья.

⁵⁶ Снег выпал 5 ноября, причём так сильно, что почти сразу покрыл всю местность. Но так как мороз ещё не пришёл, а ветры почти не прекращались, то мы пока не могли использовать сани довольно долго, как мы увидим в дальнейшем.

⁵⁷ В северной части полуострова используют другой вид приспособления для хождения по снегу – снегоступы, называемые «лапки». Они короче и сделаны в виде теннисной ракетки со струнами из скрученных кожаных полос; на нижней поверхности закреплены две маленькие острые косточки, которые предохраняют от скольжения на льду.

белых зайцев и куропаток на фоне снега, я не преминул после небольшой практики и некоторых советов моих товарищей привозить домой приличное число зайцев и куропаток.

Это было одно из самых приятных моих развлечений в Большерецке, всё остальное время я был занят выражением своего нетерпения и беспокойства, что мне приходится оставаться там так долго. Чтобы отвлечься от этих мыслей, я воспользовался несколькими чудесными днями, чтобы посетить окрестности города, которые я снова увидел после отъезда и о которых я упомяну, когда продолжу свое путешествие. Постройка моих дорожных саней⁵⁸ также занимала моё внимание, но главным моим утешением было общество г-на Козлова и его офицеров. Встречи с ними и мои непрестанные расспросы давали мне возможность почти каждый день делать заметки, часть которых я уже изложил, а теперь перейду к остальным.

Болезни, которые преобладают на Камчатке – одно из первых, что мы видим. Как бы ни были неприятны их подробности, я полагаю, что не должен их скрывать; они составляют часть моих наблюдений и должны присутствовать в моих записях.

Оспа, о разрушительных последствиях которой я уже упоминал, по-видимому, не свойственна для этого края и не очень распространена. Со времени вторжения русских и последовавших за ним частых контактов эта эпидемическая болезнь появлялась только в 1767 и 1768 годах. Затем она попала сюда с русским судном, направлявшимся к восточным островам для охоты на выдр, лисиц и других животных. Человек, в крови которого был роковой микроб, был моряком из Охотска, где перед отплытием он принимал лекарства от этого недуга, но следы болезни были ещё видны. Едва он ступил на берег Камчатки, как заразил этой жестокой болезнью бедных камчадалов. Тогда заболели три четверти из них. Поскольку с тех пор она не появлялась, предполагается, что эти люди ей уже не подвержены. В 1720 году она вспыхнула в северной части Камчатки, но не распространилась до самого полуострова. Она началась в Анадырске⁵⁹, и неизвестно, как она туда попала, хотя скорее всего виноваты тоже русские.

Есть основания подозревать, что камчадалы точно так же обязаны им своим знакомством с венерической болезнью, которая, к счастью, не является распространённой. Эта болезнь кажется экзотической, и излечение от неё столь же трудно, сколь и редко. Они прибегают к различным корням и к сулеме, применение которой сопровождается обычно тяжкими побочными эффектами, тем более, когда неосмотрительно применяется.

У камчадалов нет врождённых дефектов. Калеки, которые живут среди них, стали таковыми вследствие серьёзных падений, хотя это не очень обычное явление, так как они привыкли падать со своих балаганов. Они мало подвержены цинге, их предохраняет от неё употребление дикого чеснока и различных ягод. Русские и другие поселенцы чаще страдают от этой болезни.

Чохотка встречается довольно часто, а фурункулы, опухоли, абсцессы и жировики – очень часто. У них нет способа лечить их, кроме как удаления путём надреза, они используют для этого нож или даже просто острый камень, который заменяет скальпель. Такие инструменты, конечно, весьма впечатляют, хотя очевидно, что искусство хирургии, доведённое у нас до такого совершенства, на Камчатке находится в самом варварском состоянии.

Терапевтическая медицина достигла не большого прогресса, хотя следует признать, что эти люди кое-чего добились, научившись не доверять своим нелепым лекарям-шарлатанам. Раньше самозванные маги, называемые шаманами, пользуясь доверчивостью камчадалов, выступали в роли докторов, чтобы их почитали и доверяли им ещё больше⁶⁰. Этому способ-

⁵⁸ Что-то вроде тесной кареты, прикреплённой к саням, в которой можно было спать. Это похоже на повозку, очень распространённую в России, называемую «возок»; моя изнутри была покрыта медвежьей шкурой, а снаружи – тюленьей.

⁵⁹ Анадырк или Анадырский острог находился в среднем течении реки Анадырь примерно в 10 км выше по течению от современного села Марково с 1660 года по 1771 год. Не следует путать Анадырк с современным городом Анадырь, который находится в устье реки Анадырь. – прим. перев.

⁶⁰ В остроге недалеко от Большерецка, я имел впоследствии возможность рассмотреть этот предмет более полно, и мои наблюдения будут изложены в надлежащем месте.

ствовала их причудливая одежда, она прекрасно подходила к их экстравагантным лицедействам. Я бы никогда не поверил тому, что мне про них рассказывали, если бы у нас не было своих примеров – цыган и прочих колдунов такого рода. Невозможно облечь во что-либо вразумительное клоунаду этих якобы обладающих особым даром целителей, и беззастенчивость, с которой они выдают свои рецепты или мнимые озарения, которые на них нисходят. Вполне вероятно, что их лечение часто сопровождалось фатальными последствиями, а число жертв равнялось числу их пациентов. Устав, наконец, от того, что их обманывают ценой их собственной жизни, камчадалы стали испытывать недовольство всеми этими самозванцами, которые постепенно теряли доверие и погружались в забвение. Такова была судьба и шаманов. Даже того скудного просвещения, которого принесла русская торговля, оказалось достаточно, чтобы открыть жителям глаза. Они сразу же поняли всю нелепость магического искусства своих врачей. Поскольку его перестали уважать, оно перестал быть прибыльным, и число знахарей, конечно, уменьшилось. Чувствуя отвращение к этому ремеслу, мужчины стали отказываться от него, и с тех пор этим занимаются только некоторые старухи, которые, обладая меньшими талантами, имеют, несомненно, меньше клиентов⁶¹.

У женщин этой страны редко бывает больше десяти детей, по общим оценкам – четыре или пять, после сорока лет они не рожают ни одного. Они помогают друг другу в родах, которые проходят с большой лёгкостью, между тем на Камчатке есть акушерки, но их число очень мало. Несчастные случаи при рождении детей на открытом воздухе, в пути или там, где они работают, которые оказываются смертельными для стольких матерей, происходят с этими женщинами гораздо реже. В таких случаях, как мне говорили, они используют свои волосы, чтобы связать пуповину, сами относят ребёнка домой и немедленно дают ему грудь. Они долго не прекращают кормление грудью, я видел случаи, когда это продолжалось в течение четырёх-пяти лет. Мы можем судить по этому обстоятельству о хорошем здоровье этих женщин. Замечено, однако, что камчадалы обоего пола живут не дольше русских.

Я забыл упомянуть одно средство, к которому жители полуострова прибегают почти при каждой болезни: это так называемый медвежий корень⁶², который они настаивают на водке. Его название указывает на то, кому жители обязаны своим знанием. Заметив, что медведь любит есть эту траву и катается по ней, когда ранен, они догадались, что она обладает каким-то целебным свойством, и это побудило их использовать её. Так это животное дало им урок ботаники и фармакологии. Говорят, что медведь лечит этим корнем все свои раны. У меня, однако, никогда не было случая попробовать корень в деле, так что я говорю только то, что слышал об этом.

Христианская религия была принесена сюда русскими; но жители, по-видимому, знают о ней не намного больше, чем обряд крещения. Они не знают даже основных догм христианства. Рабы своих желаний, они следуют лишь своим побуждениям, хорошим или плохим. Если они и думают о религии, то только из соображений удобства или интереса, или когда особые обстоятельства вынуждают их к этому. Это показывает, насколько неполноценно их просвещение, и виновато в этом, по-моему, духовенство, чьё дело – наставлять их. Но достаточно ли просвещены сами эти духовные миссионеры? У них нет возможности получить хорошее

⁶¹ Точно такая же история, как перемена отношения к шаманам на Камчатке, произошла и с нашими шарлатанами. Их способы обманов, их возвышение и падение очень похожи. На эту тему можно было бы высказать различные соображения. То, что люди, столь же простые и непросвещённые, как камчадалы, какое-то время были введены в заблуждение своими знахарями, не удивительно и не может служить оправданием; но то, что такое крайнее невежество и доверчивость осознало свою ошибку и постыдилось её – это удивительно и достойно одобрения; ибо даже у самых просвещённых народов Европы каждый день появляются какие-нибудь шаманы, столь же вероломные и губительные! Между тем все они имеют своих последователей и учеников, и огромное число жертв.

⁶² Медвежий или красный корень – Копеечник забытый (лат. *Hedýsarum neglĕctum*) – род растений семейства Бобовые. Применяется в народной медицине Сибири и Алтая. – прим. перев.

образование, и, вероятно, это от них и не требуется, так что достаточно часто можно видеть в сане священнослужителей и камчадалов.

Все эти попы находятся под руководством протопопа, проживающего в Нижнекамчатске, он подчиняется архиепископу Иркутскому. Только он может рукополагать в сан и назначать священнослужителей к их приходам, так что все они вынуждены ездить в этот город. Продолжительность и опасности такого путешествия рассматриваются, возможно, как уже своего рода посвящение, так что они, вероятно, получают рукоположение без каких-либо дополнительных экзаменов и возвращаются ни мудрее, ни благочестивее. Затем они отправляются в места своего назначения; время их служения в одном приходе не ограничено, а зависит только от воли их начальников.

На Камчатке есть восемь главных церквей: в Паратунке, Большерецке, Ичинске⁶³, Тигиле⁶⁴, Верхнекамчатске⁶⁵, Ключах⁶⁶ и две в Нижнекамчатске⁶⁷; к ним можно добавить церковь в Гижиге⁶⁸ в стране коряков.

Уезд или приход Паратунка включает в себя семь острогов и Курильские острова; а именно: одноимённый острог, Петропавловская гавань, Коряки, Начики, Апача, Малки и Большерецк. Число прихожан, содержащихся в этих острогах, не превышает четырёхсот, а включая Курильские острова, общее число христиан составляет не более шестисот двадцати. Настоятелю Паратунки казна даёт жалованье в восемьдесят рублей и двадцать пудов ржаной муки в год. Его прихожане, соответственно, не платят церковной десятины, но он получает пожертвования и другие вознаграждения, связанные с его службой. За заключение брака, крещение или отпевание священники могут требовать сколько им заблагорассудится. В этом отношении нет никакого регулирования, что вызывает значительные поборы и злоупотребления. В целом, однако, они стараются соразмерить свои запросы с возможностями прихожан, что вполне благоразумно и заслуживает похвалы.

Камчадалы свободны. Они только платят ежегодный налог России, который состоит, как я уже сказал, из мехов различных видов; так что их охотничья добыча почти полностью оказывается в казне. Каждый глава семьи обязан обеспечить для себя и для каждого из своих детей, даже самых маленьких, определённое количество шкур, эквивалентное его доле налога: это может составлять около семи рублей, и шкуры, как мне сказали, обычно оцениваются по самой низкой цене. Этот способ уплаты налога должен приносить короне значительный доход, если судить только по количеству соболей, ежегодно поставляемых провинцией, которое составляет около четырёх тысяч. Каждый тойон собирает подати со своего острога и передаёт их казначею; человеку предварительно выдаётся расписка о размере его налога, и каждый камчадал должен позаботиться о том, чтобы отметить своей печатью или каким-нибудь другим знаком все меха, которыми он платит подать.

Монеты, находящиеся в обращении – это золотой империал десяти рублей, рубль и половина рубля. Серебряных монет ниже этого номинала очень мало; поскольку ни один товар не может стоить меньше половины рубля. Медь и бумажные деньги ещё не в ходу на полуострове.

⁶³ Ича – бывшее село на реке Ича «в двадцати верстах от устья» (по С.И.Крашенинникову). Существовало с нач. XVII в. до 1974 года. Не путать с посёлком Ичинским, существовавшим в 1929–2012 года в устье этой реки. – *прим. перев.*

⁶⁴ Село Тигиль на одноимённой реке, впадающей в Охотское море. – *прим. перев.*

⁶⁵ Верхнекамчатск – бывшее село в верхнем течении реки Камчатка. Возникло в 1697 или 1698 году под названием Верхнекамчатский острог. Это был первый русский населённый пункт на Камчатке. – *прим. перев.*

⁶⁶ Ключи – посёлок на реке Камчатка. Основан около 1740 года переселенцами с реки Лена. – *прим. перев.*

⁶⁷ Нижнекамчатск – бывший посёлок в нижнем течении реки Камчатка. Основан в 1703 году как Нижнекамчатский острог. Несколько раз менял местоположение и название. В описываемый период он находился в 90 км ниже совр. села Ключи близ озера Шантал и назывался Нижним Камчатским острогом или просто Нижним. – *прим. перев.*

⁶⁸ Село на реке Гижига в 25 км. от устья. Тогда имело статус города и называлось Гижигинск. В 1920-х годах город был упразднён, и всё население переехало в устье реки в село Кушка, которое переименовали, и оно стало современной Гижигой. – *прим. перев.*

Зато предостаточно старинных серебряных монет времён Петра I, Екатерины I и Елизаветы. На них можно сделать прекрасный бизнес, так как серебро их чище и дороже, чем в обычных монетах.

Жалованье солдатам или казакам – пятнадцать рублей в год. Офицеры, посланные в столь отдалённую провинцию, получают двойное жалованье.

Полуостров Камчатка, в то время когда в Большерецке предводительствовал майор Бем⁶⁹, находился под юрисдикцией генерал-губернатора Иркутска. После отъезда этого командира, которого англичане впервые увидели в 1779 году⁷⁰, на его должность был назначен капитан Шмалев, который в течение года пользовался властью и удовольствием делать добро жителям, которые питали к нему равное уважение и благодарность. Господин Рейнеке⁷¹ занял это место в 1780 году и был отозван в 1784 году по причинам, о которых я вынужден умолчать. В этот период Камчатское ведомство было объединено с Охотским. Коменданты и офицеры острогов с тех пор подчиняются приказам командира в Охотске и решениям его судов; сам командир подчиняется и подотчётен генерал-губернатору в Иркутске. Нынешний командир в Большерецке, который прежде был столицей Камчатки, теперь всего лишь сержант; когда я уезжал, это был Расторгуев, он был назначен на эту должность господином Козловым.

Коменданты в этих различных острогах не подотчётны друг другу за свою деятельность и даже не подчиняются начальству; власть каждого из них ограничивается жителями его собственного округа, что, несомненно, побудило правительство назначить капитана-исправника, который должен каждый год посещать все деревни Камчатки, принимать жалобы, рассматривать споры, судить и наказывать виновных, короче говоря, поддерживать мир и порядок. В его обязанности входит также поощрять торговлю, рыболовство и охоту, следить за регулярностью уплаты налогов, за запасом провизии каждого человека для его собственного и его семьи пропитания, за ремонтом мостов и дорог, которых, к сожалению, очень мало и которые содержатся в очень плохом состоянии. Одним словом, капитан-исправник должен считать своим долгом приучать людей к нравам и обычаям России. В 1784 году этот важный пост был доверен барону Штейнгелю⁷², который учредил свою резиденцию в Нижнекамчатске. Дела призвали его в другое место, и его сменил на этом посту г-н Шмалев, который, в сопровождении нас, делал объезд своих территорий.

Среди начальства есть не только военные; многие споры и дела разбираются судами. Они есть в Тигиле, Гижиге и Нижнекамчатске и подчиняются юрисдикции Охотского суда, подобно тому, как в России магистраты нижестоящих городов подчиняются столичным, на которых лежит окончательное решение. Кроме того, в Большерецке существует своего рода консульская юрисдикция, называемая в России Словесный суд. Судьи в нём купцы; они рассматривают все споры, связанные с торговлей, и их решения, направляются в порядке апелляции для утверждения в суд. Используется только Российский свод законов, который слишком хорошо известен, чтобы вдаваться в подробности.

Должен добавить, что собственность камчадалов переходит, конечно, после их смерти к наследнику или к тому, кому она завещана. Завещание уважается и соблюдается буквально, как это принято у тех народов Европы, которые наиболее щепетильны в вопросе о наследовании.

⁶⁹ Премьер-майор Магнус Карл (Матвей Карпович) фон Бем (1727- 1806), предшественник В.И.Шмалева, был командиром Камчатки с 1773 по 1779 год. – *прим. перев.*

⁷⁰ Это была третья экспедиция капитана Кука – уже без самого Кука, погибшего ранее на Гавайских островах и даже без капитана Кларка, принявшего командование экспедицией и умершего от туберкулёза незадолго до прибытия и похороненного в Петропавловске. – *прим. перев.*

⁷¹ Коллежский ассессор (в то время) Франц Францевич Рейнеке (1746 -1821). Из лифляндской ветви старинного саксонского рода. Отец известного учёного-гидрографа, вице-адмирала Михаила Францевича Рейнеке. – *прим. перев.*

⁷² Иоганн Готфрид фон Штейнге(й)ль (1744—14.05.1804) На русской службе с 1772 года, с 1773 г. на службе в Сибири капитан-исправником Нижнекамчатского округа. Отец декабриста Владимира Ивановича Штейнгейля. – *прим. перев.*

Разводы среди камчадалов не практикуются и не допускаются. Русские, стремятся сохранять свои браки, хотя это не даёт им особых привилегий. Их побуждения понятны. Ввиду родственных браков весьма вероятно, что уже к концу жизни этого поколения племя коренных жителей может полностью исчезнуть.

Смертная казнь, отменённая во всех владениях императрицы, никогда не применялась на Камчатке. В самых ранних своих переселениях русские, обвинённые в преследовании туземцев, приговаривались к битью кнутом; камчадалы также, за различные проступки, подвергались этому жестокому наказанию, но оно больше не практикуется. Когда туземцы виновны в каких-либо преступлениях, наказанием является порка розгами. Не ясно, впрочем, выиграли ли они от этого изменения. Нынешний способ наказания является более простым и быстрым, к нему прибегают с меньшей щепетильностью и часто им злоупотребляют.

Язык камчадалов показался мне грубым, гортанным и труднопроизносимым; слова прерывистые, а звуки неприятны. Существует столько же различных диалектов и акцентов, сколько и острогов. Например, покинув Петропавловскую гавань, мы с удивлением услышали другой говор в Паратунке, так обстоят дела даже в ближайших деревнях. Несмотря на эти вариации языка, я счёл своим долгом составить словарь, который приведён в конце моего дневника. Я добавлю к этому корякский, чукотский и ламутский⁷³ языки. Моё внимание к этому предмету не ослабевало, и я получил в этом значительную помощь. Я закончу статью о моей пребывании в Большерецке некоторыми замечаниями, которые будут скорее оправданиями моей задержки в этом городке.

К концу ноября внезапно так похолодало, что за несколько дней замёрзли все реки, даже Большая, что редко случается из-за чрезвычайной быстроты её течения. На следующий день она избавилась ото льда, и с тех пор я не видел больше ледостава ниже дома коменданта. Река замёрзла не во всех местах, тут и там на ней полыньи, где вода течёт, как обычно.

На каждом берегу полуострова есть ощутимая разница в погоде. Во время хорошей погоды в Петропавловской гавани царила засуха, тогда как в Большерецке жаловались на частые дожди; между тем осень в этом году оказалась не более дождливой, чем обычно. Обильные дожди губительны в здешних местах, так как вызывают сильные наводнения, которые выносят рыбу из рек; в результате чего приходит голод, особенно мучительный для бедных камчадалов. Такое случилось в прошлом году во всех деревнях на западном побережье полуострова. Это ужасное бедствие происходит так часто в последние месяцы, что жители вынуждены покидать свои жилища и отправляться с семьями на берега Камчатки, надеясь, что в этой реке больше рыбы. Г-н Козлов намеревался идти вдоль западного побережья после поездки на восток, но известие о голоде заставило его вернуться, чтобы не быть вынужденным остановиться на полпути из-за трудностей с кормом для собак и провизией для людей.

Во время моего пребывания в Большерецке ветер менялся значительно; чаще всего он был западный, северо-западный или северо-восточный; иногда он дул с юга, но редко с востока. Южный и западный ветры почти всегда сопровождаются снегом. Не проходило и недели, вплоть до января, чтобы не случилось двух-трех сильных бурь; обычно они приходили с северо-запада. Эти сильные ветра длились обычно день или два, но иногда семь-восемь дней. Очень небезопасно выходить на улицу в такое время. Небо совершенно тёмное, а в вихрях снега ничего не видно на расстоянии шести ярдов. Горе тем путешественникам, которых застала в дороге такая ужасная погода! Им приходится останавливаться, иначе они рискуют заблудиться или упасть в какую-нибудь пропасть. В порывах ветра и вихрях снега двигаться приходится буквально на ощупь! Если с такими трудностями сталкиваются люди, то что же должны испытывать бедные собаки?! Случалось, что нас настигали такие сильные ураганы, что наши

⁷³ Ламуты – старое название эвенов. – прим. перев.

упряжки оказывались отделёнными друг от друга на расстоянии нескольких вёрст и двигались в противоположном направлении⁷⁴.

Регулярность этих бурь и прискорбные происшествия, которые они вызывают, убедили нас в необходимости отложить наш отъезд. Господину Козлову так же не терпелось добраться до места своего назначения, как и мне – продолжить мой путь, чтобы выполнить поручение с тем тщанием, которое диктовал мне мой долг. Но всякий, к кому мы обращались за советом, признавал наше рвение негодным и доказывал, в особенности мне, что, имея столь важное поручение, я поступлю опрометчиво, если двинусь в путь сейчас. Это размышление успокоило меня. Г-н Козлов предвосхитил моё желание, выдав мне справку о моем долгом пребывании в Большерецке, в соответствии с обстоятельствами, которые его вызвали. К середине января ветра, наконец, утихли, и мы с нетерпением принялись готовиться к отъезду, который был назначен на 27 января.

Мы старательно запаслись водкой, говядиной, ржаным хлебом, мукой и крупами. Для нас было испечено большое количество хлебов, часть из которых мы приберегли для первых дней путешествия, а остальные были нарезаны тонкими ломтиками и высушены в печи; оставшаяся мука была уложена в мешки про запас на случай нужды.

Господин Козлов приказал собрать как можно больше собак. Вскоре со всех соседних острогов было привезено их множество; у нас также было достаточно провизии для них, трудность была только в том, как нам её везти. Мы решили отправиться в путь рано утром 27-го; но когда мы пришли, чтобы усесться в свои сани, мы обнаружили что у нас столько багажа, что, несмотря на количество занятых рабочих, он всё ещё не был уложен. Мы были не в духе; ни один день в моей жизни не казался мне ещё таким скучным. Мы досадовали на задержку и не хотели откладывать отъезд до следующего дня, и как только вечером нам сообщили, что всё готово, мы побежали к своим саням и в одно мгновение покинули Большерецк.

⁷⁴ Эти ураганы преобладают в основном в ноябре, декабре и январе.

Глава IV

Отъезд из Большерецка – Прибытие в Апачи – Происхождение дурного мнения о французах – Бенёвский – Господин Шмалев покидает нас – Прибытие в Малки – В Ганалах – В Пуцино – Избы без дымоходов – Камчадальская лампа – Нечистоплотность жителей – Дороги занесены снегом – Острог Шаромы – Прибытие в Верхнекамчатск – Ивашкин, несчастный ссыльный – Колония крестьян – Острог Кирганик – Описание моей одежды – Визит к барону Штейнгейлю в Машиуре – Новые подробности о шаманах – Тревожное сообщение о восстании коряков – Река Николка – Вулканы Толбачика – Ранний брак.

Мы стартовали в семь часов. Светила полная луна, отражаясь в ослепительно белом снегу. Наш отъезд заслуживает отдельного описания. Представьте себе кавалькаду из тридцати пяти саней⁷⁵. В первых сидел сержант Кабешов, назначенный руководить нашей процессией. Он подал сигнал, и тотчас же все сани друг за другом тронулись в путь. Их тянули три сотни собак, одинаково бодрых и быстрых⁷⁶. Вскоре ровный строй упряжек был разобщён, порядок нарушен, и всё смешалось. Каюров оживило энергичное соперничество, и всё превратилось в какую-то гонку колесниц. Это было соревнование в скорости и за первое место в строю; никто не хотел ехать позади, сами собаки не могли вынести такого унижения и тоже сражались друг с другом, чтобы вырваться вперёд, в результате чего сани опрокидывались, часто рискуя вдребезги разбиться. Вопли возмущения тех, кто опрокинулся, визг дерущихся собак, победные крики тех, кто вырывался вперёд, и непрерывная переключка каюров довершали неразбериху и мешали нам и видеть и слышать друг друга.

Чтобы получше насладиться видом этой суматохи, я пересел из своих больших неповоротливых нарт, где чувствовал себя, как связанный, в небольшие санки, в которых, помимо удовольствия самому управлять упряжкой, я мог видеть всё, что происходило вокруг. К счастью, никаких происшествий не случилось, и у меня не было причин раскаиваться в своем любопытстве. Беспорядок этот был вызван главным образом жителями Большерецка, которые из преданности и уважения пожелали сопровождать господина Козлова до Апачи⁷⁷, куда мы прибыли около полуночи. Расстояние от Большерецка до этого острога составляет сорок четыре версты.

Через несколько минут после нашего прибытия поднялся сильный ветер, который очень бы нам помешал, если бы случился ранее. Он продолжался всю ночь и весь следующий день, который мы были вынуждены провести в Апачи.

Здесь мы наконец попрощались с жителями Большерецка. Я был весьма впечатлён их благодарностью и привязанностью к господину Козлову, сожалением, которое они выражали, прощаясь с ним, а также их заботой обо мне и интересом, который они проявляли к успеху моего путешествия. Я был тем более доволен их вниманием, что, как я заметил ещё в Большерецке, французская нация не пользовалась у них большим уважением; они были о нас даже такого дурного мнения, что с трудом верили тому, что им говорили о вежливости и сердечности экипажей французских фрегатов по отношению к жителям Петропавловской гавани. Однако по мере того, как их соплеменники хвалили наше поведение, их предубеждение становилось все слабее. Я, со своей стороны, постарался полностью рассеять его беседами и своим поведе-

⁷⁵ Это были в основном обычные сани, какие я уже описывал. Некоторые из них были закрытые на манер возка или кибитки. Кроме этих, были сани жителей Большерецка, которые взялись сопроводить нас до Апачей.

⁷⁶ Сорок пять собак были впряжены в сани господина Козлова, а тридцать семь – в мои.

⁷⁷ Я проезжал через эту деревню по дороге в Большерецк и описал её ранее.

нием. Не смею льстить себе надеждой на полный успех, но мне показалось, что в их чувствах к нашей нации в конце концов произошла некоторая перемена.

Невыгодное впечатление, которым они прониклись к характеру и склонностям нашего народа, было вызвано вероломством и жестокостью, проявленными в этой части полуострова знаменитым Бенёвским⁷⁸. Этот негодяй называл себя французом, а вёл себя, как настоящий вандал.

Его история хорошо известна. Во время смуты в Польше 1769 года он служил под знамёнами конфедератов. Его бесстрашие побудило их сделать выбор в пользу того, чтобы он командовал разношёрстным отрядом иностранцев или, скорее, разбойников, подобных ему самому, которых они держали на жалованье не по желанию, а скорее по необходимости. С Бенёвским во главе они грабили и убивали всех, кого встречали. Он преследовал русских, для которых был столь же грозен, как и для своих соотечественников. Вскоре он был взят в плен русскими, и можно предположить, что они не были к нему слишком снисходительны. Его сослали в Сибирь, затем на Камчатку, и всюду его сопровождал его пламенный и мстительный гений. Выжив в жестоком климате, который, как полагали русские, должен был его погубить, он вдруг явился в Большерецк с отрядом ссыльных, которых он заразил своей собственной дерзостью. Он застал врасплох гарнизон и завладел его оружием; комендант, господин Нилов, был убит его собственной рукой. Затем он захватил судно, стоящее в порту. Все трепетали от его вида и подчинились его воле. Он заставил бедных камчадалов снабдить его всем необходимым и, не довольствуясь полученными жертвами, отдал их жилища безудержной распущенности своих разбойников, которым сам подавал пример злодейства и жестокости. Наконец, он сел на корабль вместе со своими товарищами и поплыл, как говорили, в Китай, неся с собой проклятия камчатского народа. Этот якобы француз был единственным, кого они видели на полуострове; и такой образец нашего народа они, конечно, не могли полюбить и имели достаточные основания бояться всех нас.

На рассвете господин Шмалев покинул нас и отправился в Тигиль, на западном побережье, чтобы завершить свой визит в той части полуострова⁷⁹.

Мы выехали из Апачи почти в то же время. Хотя наша свита была менее многочисленной, впереди нас ждало большее путешествие. Миновав равнину, на которой расположен этот острог, мы достигли реки Большой, по которой шли несколько часов. Мы следовали по ней по всем её извилинам, иногда в лесу, а иногда у подножия крутых и мрачных гор, которые тут и там возвышаются над её берегами. В пятнадцати верстах от Малки мы оставили реку, потому что из-за течения в разных местах начались подвижки льда; и прежде чем достигли этого острога, пересекли реку Быструю. Примерно в два часа пополудни мы приехали туда. Расстояние от Апачи – шестьдесят четыре версты, и, не имея смены собак, мы вынуждены были остановиться, чтобы дать им отдохнуть.

Тойон острога вышел навстречу господину Козлову и предложил ему свою избу. Он хорошо приготовился к нашему приёму, и мы провели там ночь. Он относился к нам с величайшим почтением и угощал нас, как только мог. К сожалению, его заботы не распространились на наш покой. Мой сон был возмутительно прерван воем наших собак, к которому я ещё не привык. Завывания этих проклятых животных, пронзительные и неумолчные раздавались, казалось, прямо над моими ушами и мешали мне заснуть всю ночь. Надо было слышать этот ночной концерт, самый ужасный из всех, какие я когда-либо слышал, чтобы судить о том, как я страдал, приучая себя к этим звукам, ибо я должен был научиться отдыхать вопреки им. После нескольких таких ночей сон, наконец, одолел меня, и я заснул, не чувствуя никакого

⁷⁸ Бенёвский, Мориц Август (1746 – 1786) – венгерско-словацкий авантюрист и путешественник, закончивший свою богатую приключениями жизнь королём Мадагаскара. – прим. перев.

⁷⁹ Другой целью этого путешествия было раздобыть нам провизии. Мы присоединимся к нему позже, как будет видно в дальнейшем.

шума. Постепенно я настолько привык к вою и лаю этих животных, что мог спокойно отдыхать среди них. Я упомяну также, что собак кормят только один раз в конце дня, их трапеза обычно состоит из вяленого лосося, раздаваемого каждому из них.

Острог Малки похож на те, которые я уже описывал. В нём пять или шесть изб и дюжина балаганов, расположен он на берегу Быстрой и окружен высокими горами. У меня не было времени посетить горячие источники, которые, как говорят, находятся в этом районе, воды которых сильно насыщены сероводородом, а один из них, вытекающий из склона горы, образует внизу водоём с довольно чистой водой.

Из Малков мы отправились в Ганалу, которая находится в сорока пяти верстах, но не смогли двигаться так быстро, как намеревались. Река Быстрая замёрзла не полностью, и нам пришлось петлять по лесу, где снег был глубокий и рыхлый, наши собаки проваливались по брюхо и сильно уставали. Пришлось оставить этот путь и снова направиться к Быстрой. Мы вышли к ней в десяти верстах от Ганал и обнаружили, что лёд на реке в хорошем состоянии. Прочность его обещала быстрое путешествие, и мы с готовностью воспользовались этим преимуществом. Мы поехали по реке, и вскоре достигли острога на берегу. Он состоит из четырёх изб и двенадцати балаганов. Ничего примечательного в нём не было.

Мы только узнали, что здесь прошло несколько сильнейших метелей, и что они ещё не совсем стихли, хотя их сила значительно уменьшилась. Сила этих штормов легко объяснима. Окружающие высокие горы образуют впадины, в которые скапливается холодный воздух. Периодически какая-нибудь впадина переполняется, холодный воздух находит себе путь и стекает вниз, вызывая сильный ветер. Чем меньше препятствий на его пути, тем стремительней он движется, врывается в долину снежными вихрями, засыпает снегом дороги и делает их непроходимыми.

Проведя весьма неважную ночь в доме местного тойона, мы отправились на следующий день в Пуццо. Расстояние – девяносто вёрст, которые мы проделали за четырнадцать часов, но вторая половина пути была очень тяжёлой. Дорога была занесена снегом, сани проваливались на три-четыре фута и кренились так сильно, что я был счастлив, что перевернулся только один раз. Судя по снегу на деревьях, он шёл с севера и был очень сильным, что подтверждали и жители. Дорога наша всё время шла через берёзовый лес, и на некоторое время мы потеряли из виду горы, мимо которых шли накануне вечером, но по мере приближения к Пуццо они снова стали видны.

Река Камчатка протекает по окраине этого острога, который больше, чем Ганалы. Единственное отличие, которое я заметил в этом месте, было то, что у изб не было дымоходов, а только, как у Балаганов, отверстия в крыше, которые часто закрываются люком, чтобы сохранить тепло. Невозможно находиться в жилищах, обогреваемых таким образом, мы должны были либо оставаться на улице, либо лежать распростёртыми на полу, чтобы не задохнуться или, по крайней мере, не ослепнуть от дыма: он не поднимается прямо к потолку, а наполняет помещение густым чёрным облаком. Изнутри эти избы покрыты сажей, которая придаёт им ужасный вид и самый отвратительный запах.

Но ещё более неприятный запах исходит от убогой лампы, служащей источником света для всего дома. Его форма не из самых изящных: это просто камень с углублением, в которое налит тюлений или другой животный жир и торчит фитиль, скрученный из тряпки. Горящая лампа выделяет густую чёрную копоть, которая в равной степени чернит стены, забивает нос и горло и проникает в самые лёгкие. Это не единственный неприятный запах, который ощущается в этих жилищах; есть и другой, по-моему, гораздо более зловонный, и который я никогда не мог вынести – это тошнотворный дух от вонючей вяленой рыбы когда она готовится, когда её едят и даже после того, как она съедена. Обьедки её предназначается для собак, но прежде чем бедные животные получают их, они поваливаются по всему жилищу.

Люди, населяющие эти жилища, являют зрелище столь же отвратительное. Вот группа женщин, блестящих от жира, которым они себя обмазывают, и валяющихся на полу среди груды тряпья; некоторые из них кормят грудью своих полуголых детей, грязных с головы до ног; другие пожирают совершенно сырую и часто гнилую рыбу. Там мы видим других женщин в неряшливых одеждах, лежащих на медвежьих шкурах и болтающих друг с другом, или занятых домашними делами в ожидании своих мужей.

К счастью, дом тойона был чист и хорошо убран для приёма господина Козлова, который всегда любезно разрешал мне поселиться с ним.

Мы переночевали в Пушино в доме тойона и выехали на следующее утро очень рано; в тот день мы проехали только тридцать четыре версты. Казалось, чем дальше мы продвигались, тем больше дороги засыпало снегом. Оба моих каюра постоянно поддерживали мои сани, чтобы они не опрокинулись и не съехали с дороги; они должны были также напрягать свои голосовые связки, чтобы подгонять собак, которые часто останавливались, несмотря на удары, которые наносились им с одинаковой щедростью и ловкостью. Эти бедные создания, чья сила и выносливость непостижима, с большим трудом избавлялись от снега, который покрывал их быстрее, чем они его стряхивали. Часто приходилось расчищать перед ними сугробы, чтобы они могли тащить сани. Это также было заботой моих проводников. Чтобы не проваливаться в снег, каждый из них прикрепил к одной ноге лыжу, и так они скользили, время от времени ставя другую ногу на полоз саней. Я не знаю, что на свете может быть утомительнее и требовать большей силы и ловкости.

Острог Шаромы, в который нам посчастливилось побывать, расположен на реке Камчатке, у меня не осталось о нём никаких заметок. Мы провели там часть ночи и покинули его ещё ранним утром.

Через семь часов мы достигли Верхнекамчатска, что в тридцати пяти верстах от Шаром. Верхний, как его зовут здесь для краткости – очень значительное место по сравнению с теми острогами, которых я видел до сих пор. Я насчитал больше сотни домов. Его положение удобно, и возможности для развития весьма разнообразны, кроме того, что он стоит на реке⁸⁰, у него есть ещё одно преимущество: рядом находятся леса и поля, почва которых плодородна и начинает обрабатываться жителями. Церковь построена из дерева, её архитектура оставляет хорошее впечатление, остаётся только пожелать, чтобы внутреннее убранство соответствовало внешнему облику. Жители ничем не отличаются от обитателей других деревень. Впервые я увидел на этом месте строения высотой с балаган, которые служат только для того, чтобы сушить рыбу. В Верхнем командовал сержант, который живёт в казённом доме.

Эта деревня также является местом жительства несчастного Ивашкина, историю которого я уже рассказывал, он был с нами по пути из Петропавловской гавани в Большерецк и покинул нас только для того, чтобы скорее прибыть в Верхний, где его главной заботой было убить одного из его волов, мясо которого он просил нас взять с собой в дорогу, как свидетельство его благодарности. Этим он выразил признательность за мою заботу о нём, один вид которого не раз заставлял меня содрогаться при мысли о его несчастьях. Я не могу себе представить, как он мог выдержать их и примириться со своей судьбой: должно быть, только сознание своей невиновности могло придать ему такую силу духа. Мы нанесли ему визит по прибытии. Он весело бражничал с кем-то из соседей. Веселье его было искренним и даже не намекало на его прошлые страдания или что он тяготится своим нынешним положением.

Наше пребывание в Верхнекамчатске было недолгим; после обеда мы отправились ночевать в деревню Мильково⁸¹, находившуюся на расстоянии пятнадцати вёрст. По дороге мы миновали довольно большое поле, обнесённое частоколом, а дальше – заимку, то есть хутор,

⁸⁰ Река Камчатка в этот момент всё ещё не замёрзла.

⁸¹ Мильково – село, основанное в 1743 году переселенцами из Сибири. Названо по реке Мильковка. – *прим. перев.*

населённый рабочими. Эти рабочие были казаками, занятыми обработкой земли за казённый счёт. У них было восемьдесят лошадей, принадлежащих казне, которые использовались и в хозяйстве и для размножения животных, столь полезных и столь же редких на полуострове. Возле этой заимки, которая называется Шигача⁸², на протоке Камчатки стоит водяная мельница из дерева, но не очень большая. В это время от неё не было никакой пользы, так как уровень воды был так велик, что она перелилась через шлюз и растеклась по равнине, где и замёрзла. Почва здесь оказалась хорошей, а местность вокруг выглядела приятно. Я расспрашивал казаков о продукции их округа, где, по-моему мнению, можно было бы с успехом выращивать все виды зерновых. Они рассказали мне, что их последний урожай, как по количеству, так и по качеству, превзошёл их ожидания и не уступал лучшим урожаям в России: два пуда зерна дали десять.

Приехав в Мильково, я с удивлением увидел там и не камчадалов и не казаков, А любопытное поселение крестьян, чьи лица и манеры говорили мне, что они не были смешанной крови. Жители этой колонии были собраны в 1743 году в России и Сибири среди коренных жителей-земледельцев. Государство, посылая их сюда, считало, что они могут освоить землю для сельского хозяйства и надеялось, что их пример и успех научат туземцев и побудят их трудиться в этой полезной и необходимой отрасли. К сожалению, их крайняя лень, которую я уже описал, мало соответствовала мудрым намерениям правительства, и они всё так же далеки от того, чтобы претендовать на какую-либо конкуренцию, и всё так же не извлекают ни малейшей пользы из примеров, находящихся прямо перед их глазами. Эта крайняя инертность туземцев тем более удручающа, что нельзя не восхищаться трудолюбием этих деятельных иммигрантов, старания которых сопровождалась столь благотворными последствиями. Их камчатские жилища как будто говорят, что им живётся спокойно и уютно, а стада их тучнеют от доброй заботы. Я заметил также, что эти крестьяне вообще очень довольны своим положением. Их труд не чрезмерен, но выгоден. Каждый человек пашет и сеет свое поле, платит только один налог и обильно пожинает плоды своих трудов, которые плодородная почва отдаёт ему с лихвой. Я убеждён, что это дало бы ещё большую выгоду, если бы земледельцы были более многочисленны. Урожай состоит в основном из ржи и очень малой частью из ячменя. Поселенцы эти совершенно не занимаются охотой. Правительство заботится, чтобы их труды были всецело посвящены сельскому хозяйству, и чтобы ничто не отвлекало их, запретило им охотиться. Запрет, однако, как я мог заметить, соблюдается не очень скрупулёзно. Их староста назначается администрацией из стариков деревни. Задача его состоит в том, чтобы следить за развитием сельского хозяйства, руководить временем посева и сбора урожая, то есть устанавливать их точные сроки; короче говоря, стимулировать трудолюбие и поощрять усердие рабочих, и особенно поддерживать дух предприимчивости и взаимопомощи.

Желая провести день с бароном фон Штейнгелем, я оставил господина Козлова в Мильково и отправился в Машуру⁸³ за сутки до его отъезда, чтобы потом не задерживать его в пути. Для этого путешествия я использовал небольшие сани. Дорога были не лучше и не менее завалена снегом, чем та, по которым мы двигались до этого, и поэтому я не мог развить намеренную скорость, несмотря на все усилия. Первой деревней, в которую я попал, был Кирганик⁸⁴. Не доезжая до него, я миновал несколько домов и балаганов, которые показались мне заброшенными, но позднее я узнал, что каждым летом их владельцы возвращались в них жить. Несколько жилищ, которые составляют этот острог, построены на берегу реки под названием Кирганик, которая образуется из нескольких потоков, стекающих с ближних гор, и соединяются вместе выше деревни, в пятнадцати верстах от Мильково.

⁸² По названию протоки Шигача (совр. Сигачик, или Шигачик). – *прим. перев.*

⁸³ Машура – бывшее село на территории Мильковского района. – *прим. перев.*

⁸⁴ Кирганик – существует и поныне и до сих пор используется мильковчанами, как дачный посёлок. – *прим. перев.*

Холод был такой сильный, что, несмотря на то, что я закрыл лицо шейным платком, я обморозил щеки в первые же полчаса. Я прибег к обычному средству – натёр лицо снегом и почувствовала облегчение, но расплатой за это была острая боль, продолжавшаяся несколько дней. Хотя моё лицо мёрзло, всё остальное тело испытало противоположный эффект. Я сам вёл свои сани, и постоянное движение, которого это требовало, вкупе с моей тяжёлой камчатской одеждой, заставляло меня сильно потеть и чрезвычайно утомляло.

Моё платье заслуживает отдельного описания, из которого вы увидите, что оно придавало мне не очень проворный вид. Обычно я носил только простую парку из оленьей шкуры и меховую шапку, которая при надобности закрывала мои уши и частично щеки. Когда холод становился сильнее, я добавлял к своей одежде две кухлянки – нечто вроде просторной парки, сделанной из двух слоёв оленьей шкуры, одного с мехом внутрь, а другого – наружу. В самую суровую погоду я надевал поверх всего этого ещё одну кухлянку, ещё более толстую и сделанную из шкуры архара или собаки, мехом внутрь, а снаружи окрашенную в красный цвет. К этим кухлянкам спереди прикреплён небольшой нагрудник, которыми закрывают лицо от ветра; у них также есть капюшоны, откидывающиеся на плечи. Иногда мой головной убор составляли все эти три капюшона, один на другом надетые поверх моей обычной шапочки. Шею защищал шейный платок, называемый «ошейник», сшитый из соболя или лисьего хвоста, а подбородок – ещё один платок из соболя. Так как лоб очень чувствителен к холоду, то его покрывала повязка из выдры или соболя, и всё это прикрывала моя шапка. Меховые штаны были ещё более тёплые, чем весь этот ворох остальной одежды. У меня были двойные чулки из оленьей кожи, с мехом с обеих сторон, которые на Камчатке называются «ичиги». Затем ноги были обуты в сапоги из оленьих шкур, причём стельки были из особой мягкой травы, обладавшей свойством сохранять тепло. Несмотря на все эти предосторожности, мои ноги после двух-трёхчасовой ходьбы становились очень влажными, то ли от пота, то ли от постепенного проникновения влаги; и если я останавливался хоть ненадолго, они тут же замерзали. Ночью я сменил обувь на большие мягкие меховые сапоги, сделанные из шкуры оленя или архара, называвшиеся «унты».

Несмотря на усталость, я не стал останавливаться в Кирганике. Ещё через несколько вёрст я увидел на севере вулкан, который не извергал пламени, но из него поднимался столб очень густого дыма. Я ещё буду возвращаться этим путём, и тогда расскажу о нём подробнее. Я заметил возле Машуры еловый лес, довольно густой, и это был первый такой лес, который я увидел на Камчатке. Деревья были прямыми, и очень тонкие. В два часа пополудни я въехал в Машуру, деревню на реке Камчатке, в тридцати семи верстах от Кирганика.

Я остановился у барона Штейнгеля, бывшего капитан-исправника Камчатки, должность которого впоследствии была поручена господину Шмалеву. Наше знакомство состоялось ещё в Большерецке. Я был счастлив, что могу говорить с ним на нескольких языках, в особенности на моём родном языке, хотя он и не был ему хорошо знаком; но всё равно это был французский язык, и я считал барона своим соотечественником. Тот, кто покинул Европу, чтобы отправиться в столь отдалённую часть света, должен испытывать подобные чувства. Мы рассматриваем каждого человека, принадлежащего к тому же континенту или говорящего на том же языке, как согражданина. Самое простое обстоятельство, напоминающее нам о родной стране, доставляет нам весьма волнующее удовольствие; сердце страстно тянется к другу, к брату, которого, как мы думаем, мы нашли, нас охватывает мгновенное желание довериться ему всей своей душой. При взгляде на г-на Штейнгеля у меня сразу возникало это восхитительное ощущение. В разговоре с ним, с самой первой минуты, я почувствовал его неотразимую привлекательность. Я чувствовал что-то вроде жажды увидеть его, поговорить с ним; он просто очаровал меня, хотя его французский, как я уже говорил, был не самым чистым и произносился с немецким акцентом. Весь день 4 февраля я провёл у барона, а вечером, как и ожидалось, прибыл господин Козлов.

Острог Машура до появления оспы был одним из самых населённых на полуострове; но опустошительные последствия этой жестокой болезни сократили число жителей до двадцати семей.

Все камчадалы этой деревни, мужчины и женщины, являются или шаманами или верующими в этих мнимых колдунов. Они до крайности боятся русских священников, к которым питают самую закоренелую ненависть, и делают всё, чтобы только избежать встречи с ними. Это удаётся им не всегда, и тогда в присутствии священника они ведут себя лицемерно, но при первой же возможности стараются скрыться. Я приписываю этот страх тому пылкому рвению, с которым эти священники боролись с идолопоклонством, что камчадалы, несомненно, считают насилием над ними. Соответственно, они смотрят на них как на своих злейших врагов. Возможно, у них есть основания полагать, что, желая обратить их в свою веру, миссионеры преследуют также другие цели, нежели низвержение идолов. Эти попы, вероятно, не подавали им такого примера добродетелей, о которых сами они проповедуют. Туземцы подозревают, что целью их является обогащение и удовлетворение своей чрезмерной склонности к пьянству, а вовсе не обретение новых верующих. Так что не следует удивляться, что туземные жители остаются при своих древних заблуждениях. Они тайно поклоняются своему богу Кутке⁸⁵ и обращают к нему все свои молитвы, когда просят благ или помощи в каком-либо деле. Когда они идут на охоту, они воздерживаются от умывания и стараются не осенять себя крестным знаменем, молят своего Кутку об удаче, и первое животное, которое они убивают, немедленно приносится ему в жертву. После этого акта благочестия они уверены, что охота будет успешной; напротив, если бы они перекрестились, они бы не надеялись добыть что-нибудь. Также часть их суеверия – это посвящать Кутке некоторых из своих новорожденных детей, которым, как только они покинут колыбель, предстоит стать шаманами. Почтение жителей этой деревни к колдунам трудно понять; оно близко к безумию и на самом деле достойно сожаления, ибо экстравагантные и дикие нелепости, с помощью которых эти колдуны поддерживают доверие к себе в своих соплеменниках, вызывают у нас скорее негодование, чем насмешку. В настоящее время они не демонстрируют свое лицедейство открыто и не придают своей некромантии того великолепия, которым она когда-то обладала. Они больше не украшают свои одежды мистическими побрякушками и другими символическими металлическими фигурками, которые звенят при движении их тел. Точно так же они отказались от своего барабана, называемого «бубен», который они использовали для ритмичного сопровождения своих показных мистерий, и которым они объявляли о своем приходе. Короче говоря, они отказались от всего своего магического инвентаря. Сохранились, однако, обряды, которые они соблюдают на своих собраниях и которые они также стараются держать в тайне, хотя и не так тщательно. Представьте себе круг из зрителей, сидящих вокруг шамана, мужчин или женщин, ибо, как я уже говорил, женщины также посвящены в эти мистерии. Внезапно шаман начинает петь или издавать бессмысленные пронзительные звуки. Толпа послушно присоединяется к нему, и представление превращается в мешанину резких и невыносимых диссонансов. Шаман возбуждается всё больше и больше и начинает танцевать под нестройные возгласы своих зрителей, голоса которых от неистовых усилий становятся хриплыми и изнурёнными. По мере того как в слугителе их Кутки просыпается пророческий дух, танец оживляется всё больше и больше. Подобно дельфийской пифии, он закатывает свои страшные измождённые глаза, движения его судорожны, рот кривится, конечности напрягаются, каждая гримаса и конвульсия приводит в восторг его приверженцев. Разыграв своё представление в течение какого-то времени, он вдруг останавливается, как бы вдохновленный, и становится таким же спокойным, каким был прежде взволнованным. Такое особенное сосредоточение человека, исполненного бога, который им управляет и который собирается говорить его голосом. Удивлённая и трепещущая толпа мгновенно зами-

⁸⁵ Этот объект их поклонения точно описан у Стеллера.

рает в ожидании чуда, которое должно произойти. В этот момент самозванный пророк начинает произносить обрывки фраз, бессмысленные слова и всякий вздор, который приходит в голову самозванцу; и всё это безоговорочно воспринимается как результат чудесного вдохновения. Вся эта тарабарщина сопровождается либо потоком слез, либо громкими взрывами смеха, в зависимости от характера сведений, которые он должен сообщить, в соответствии с этим же изменяются выражение лица и жесты оратора. Обо всём этом мне рассказывали люди, которые заслуживают несомненного доверия и которым удалось лично присутствовать на этих абсурдных «откровениях».

По-видимому, существует некоторая аналогия между этими шаманами и сектой квакеров. Квакеры также претендуют на боговдохновение, и среди них есть люди, которые, якобы под его воздействием, раздражаются горестными жалобами или внезапными приступами экзальтированной радости на своих безмолвных собраниях. Разница заключается вот в чём: эти внезапные ораторы импровизируют на тему морали, основные принципы которой они пытаются проповедовать, в то время как камчадалские фокусники не понимают ни слова из того, что они говорят, а только используют свой загадочную и притворную тарабарщину, чтобы подчинить своих глупых поклонников.

В Машуре подтвердились сведения, которые г-н Козлов получил ранее от инженера Богенова. Его посылали на реку Пенжина, чтобы он определил положение населённых пунктов на ней и составил их план с указанием затем двигаться вдоль западного берега Камчатки до Тигиля и составить точную карту местности, по которой он проехал. Он рассказал господину Козлову, что по прибытии в Каменное⁸⁶ встретил значительное число взбунтовавшихся коряков, которые вышли, чтобы помешать ему выполнить его миссию. Теперь ещё выяснилось, что их уже шестьсот человек и что нам, вероятно, не будет позволено проехать. Это было печальное известие, особенно для меня, который так стремился прибыть в Охотск, как будто это был конец моего путешествия, или как будто я мог оттуда добраться до Франции в один день. Мучительна была мысль, что нет другого пути, кроме как через эту деревню, и что мне, быть может, придётся повернуть назад! Я просто содрогнулся при одной мысли об этом! Господин Козлов сочувствовал мне и согласился, что донесение инженера не должно нас останавливать. Возможно, всё было не так уж плохо; возможно, рассказчик придал происшедшему больше значимости, чем оно имело на самом деле; возможно, он преувеличил что-то из страха; или история дошла до него, уже обросшая всякими дополнениями, передаваясь от одного к другому. Эти соображения заставили нас усомниться, и мы решили лично убедиться в истинности доклада, полагая, что у нас будет достаточно времени, чтобы прибегнуть к необходимым средствам, если мятежники действительно воспротивятся нашему проезду. Вскоре нас ещё ободрил курьер, прибывший к господину Козлову, который прибыл к нам без помех и заверил, что всё вокруг совершенно спокойно.

На рассвете я распрощался с бароном де Штейнгейлем с равным сожалением и благодарностью за его радушный приём и то внимание, которое он оказал мне во время моего короткого визита. Его знания и образованность делали его поистине интересным персонажем⁸⁷.

⁸⁶ Каменное (в оригинальном тексте: Kaminoi) – несуществующее ныне селение на северном берегу Пенжинской губы между устьем реки Каменная и устьем реки Пенжина, в то время центр обитания т.н. «каменных» оседлых коряков. Не путать с современным селом Каменское в нижнем течении реки Пенжина. На прилагаемой карте Каменное ошибочно указано на левом берегу Пенжины у её устья. Кроме того р. Оклан указана впадающей в Пенжинскую губу – на самом деле это правый приток р.Пенжина. А на месте р. Оклан как раз должна быть указана р.Каменная. На второй, общей карте также ошибка: вместо Каменного указано селение Оклан. – *прим. перев.*

⁸⁷ В Машуре я имел несчастье потерять подаренного мне господином Козловым соболя, который умер, несмотря на все мои заботы о нём. Я сохранил, однако, его шкурку. Наблюдать за ним было для меня немалым развлечением. С его крайней активностью цепь была для него невыносимой. Он часто пытался убежать, и, несомненно, преуспел бы, если бы я не следил за ним постоянно; и мне никогда не удавалось пресечь его побег, не испытав остроты его зубов. Он питался рыбой и мясом; последнее является любимой пищей этих животных в дикой природе. Их ловкость в ловле птиц и животных поражает воображение. Мой соболю почти весь день спал, а по ночам беспрерывно шумел своей цепью; но, до крайности осторожный, пере-

Мы прошли в этот день по реке Камчатке шестьдесят шесть вёрст, лёд был твёрд и очень гладок. Я не увидел ничего примечательного ни по пути, ни в деревне Щапино⁸⁸, куда мы прибыли на закате.

Рано утром мы отправились в путь и обнаружили, что нас очень задерживает снег. Он был так глубок, что мы едва могли двигаться. Весь день мы ехали так через густой еловый и берёзовый лес. Примерно на полпути и несколько дальше мы встретили две реки, одна из которых была совсем узкая, а другая шириной в шестьдесят ярдов, она называется Николкой Первой. Обе они берут начало в горах, сливаются здесь вместе и впадают в реку Камчатку. Обе они не были замершие, что я приписал чрезвычайной быстроте их течения. Место, где мы их пересекли, было поистине живописно, но самым необычным было то, что берега этих рек обрамляли многочисленные рощицы ледяных деревьев. Густой иней, вызванный сыростью этого места, покрывал каждую ветку и придавал ей сверкающий хрустальный вид.

ставал издавать малейший шум, как только видел, что кто-то идёт, и снова начинал свою возню, как только оставался один. Я выпускал его несколько раз в день, и как только он оказывался на снегу, то начинал зарываться и прятаться под ним, как крот, появляясь время от времени и тут же снова скрываясь.

⁸⁸ Щапино – бывшее село Милюковского района. Возникло в XVIII веке. Названо по реке Щапина. – *прим. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.